

НАШЕСТВИЕ ПЛОТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

«Автор»

2026

Faust519 В.

Нашествие Плоти / В. Faust519 — «Автор», 2026

Умрёт Бог, а гной начнёт капать на планету. Эта история в рамках огромной вселенной "Коровья вода" - альтернативная история человечества, в которой произошли темные, жуткие события. В 1099 году Крестоносцы осаждают Иерусалим и сами того не понимая, убивают бога и погружают мир в эпоху безбожия, а карта мира сильно меняется. Сама книга, нашествие плоти, рассказывает об одном из событий этой вселенной в сеттинге Первой Мировой Войны(а также ВМВ), где происходит вторжение сверх организма, поглощающего роя на одну из стран. Гарнизоны разбиты, все перекалывают ответственность друг на друга и в итоге, в мясной штурм бросают едва закончивших заведение кадетов военной полиции. Просто ли это вторжение организма? Хороший вопрос...Книга обильна насилием и жестокостью, а огромное количество дат, событий идеологий, персонажей, что делает высокий порог входа - не для новичков, но я уверяю, что после прочтения, вы испытаете оргазм.

© Faust519 В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "Те, с которых всё началось"	5
Глава 2. Гниль в правительстве	16
Глава 3. Битва за Данциг	28
Глава 4. На утёсе	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

Глава 1. "Те, с которых всё началось"

"Уважаемые граждане, великое и доброе правительство Вегиммии очень озабочено вопросом прекращения поставок зерна и дров в город. Просим вас успокоиться и разойтись по домам, будьте уверены - ситуация решится совсем скоро", - надрывая голос, кричал митингующей толпе полицейский.

В Тчеве, городе недалеко от Данцига и столицы Вегиммии, уже несколько недель как прекратились поставки зерна и дров. Первое время это не ощущалось, и правительство надеялось, что поставки возобновятся раньше, чем народ что-то заметит, но они облажались. Куда легче было при Крюгере: тогда не было запрета на мясной принцип подогрева, и люди разводили фермы насекомых. Однако после смены правительства и запрета этого метода вернулись дрова и другие, менее эффективные способы.

Митинг не был большим и собрался не в самом центре города, но, помня об опыте восстаний при Крюгере, на место прибыл отряд военной полиции - карателей в количестве 11 человек. Их отряд был еще "зеленым" - они только выпустились из кадетского училища, в котором обучались военному делу с 11 до 16 лет. На вопрос юнцов, почему отправили их, а не более опытных, им ответили: "Пускай это будет вашим первым реальным заданием". Хотя на самом деле старшие и опытные просто отказались и спихнули все на новобранцев - здесь царила дедовщина. Их задача - разгон митинга физической силой, и для этого они были вооружены дубинками и газовыми винтовками. Новобранцы стояли за кирпичной стеной давно обрушившегося здания и ожидали приказа... Все они впервые должны были нанести физический вред другому человеку, и среди них - Вальтер Вальтер и Рудольф Бисмарк.

Два парня, дружившие с детства, поступили в одно училище, еще с юности мечтая о том, как будут "бить плохих ребят". Но реальность оказалась другой - теперь "плохими ребятами" можно было назвать их самих, ведь они собирались бить тех, кто просто хочет жить. Эти мысли не давали покоя Вальтеру. Хотя за годы службы он все еще хотел, чтобы его детская мечта была правдой.

"Зачем мы бьем тех, кто просто хочет жить, а не выживать? Мы же давно покончили с канныбализмом и повсеместной аморальностью. Это ненормально", - говорил шепотом Вальтер, думая, что произносит это про себя.

Это услышал Рудольф, стоявший рядом и проверявший баллоны на наличие газа. В их дружбе не было "жестких запретов": они могли оскорбить друг друга и даже ударить, при этом все понимали шутку, даже когда постороннему человеку показалось бы, что это настоящее оскорбление. Несмотря на это, Вальтер был более сдержанным и усидчивым, пока Рудольф говорил и делал все то, что думает.

- Ты чего? Сам с собой опять разговариваешь? Лови журавля!

Рудольф дал легкий подзатыльник по черному полицейскому шлему Вальтера, на вершукке которого красовался золотой пикельхауб. "Лови журавля" - кадетский прикол, в ходе которого дают подзатыльник (неважно - по голове, шлему или другому головному убору), если человек разговаривает сам с собой. Разговоры с самим собой (и еще кое-что похуже), похоже, уже генетически являлись нормой для большей части населения из-за событий первого и второго ударов...

Рудольф - лучший друг Вальтера еще с детства. Хоть они и жили на достаточно большом расстоянии, они часто виделись и проводили время вместе. Парень был рыжим и выше Валь-

тера на несколько сантиметров. Добавляя еще больше отличий между ними, Бисмарк, как уже было сказано, говорил то, что думает, и был куда более "вольным", чем Вальтер.

От удара шлем перекосялся вперед и закрыл глаза Вальтеру, а от неожиданности тот вздрогнул, и его белые волосы полезли на лицо.

- Ай, - сказал Вальтер и поправил шлем.

- Если заговорил вслух, то рассказывай, о чем, - сказал Рудольф.

Вальтер знал позицию Рудольфа. Тот уже давно поменял взгляды: из детской мечты, в которой он хотел наказывать всех плохих, он вырос в того, кто хочет максимально обезопасить себя, иметь статус и хороший заработок. Вальтер, который все так же хотел работать по "справедливости", понимал выбор Бисмарка. Они жили в том мире, где человека запросто могли загрызть черви, а служба в военной полиции в первую очередь гарантировала безопасность - ведь даже находясь в зоне боевых действий на карательных операциях, они проводили эти операции за линией фронта. Вальтер солгал, поскольку если бы он сказал правду, то это переросло бы в спор.

- Да вот думаю, зачем нужно было запрещать... - Вальтер запнулся, потому что забыл, как это называется.

- ...запрещать плоть в качестве топлива? Правительство не видит, в какую отсталость это ввергло страну?

- Бессмыслица та еще... И самое забавное, что сами власти толком не объяснили это. Заставили местных управляющих и генералов промямлить какую-то чушь, и все, - ответил Рудольф.

- ...А народ это терпит, как будто так и надо. Даже мерзко.

- А? - удивился Рудольф.

Руд редко слышал от Вальтера резкие заявления, и тем более - заявления в адрес простого населения, зная его отношение к людям. Такое случалось не впервые, но достаточно редко.

- Мерзко от покорности вегиммцев. Сидит себе как наказанный ребенок и терпит. А ведь непонятно - почему при этом мудаке практически все терпит, а при Крюгере восстания поднимал?

- Я бы не сказал, что терпят. Ты вот глянь... - Рудольф выглянул из-за стены и показал пальцем в сторону бунтующей толпы. - Все же иногда у народа терпение кончается... Что печально.

Бисмарк облокотился на стену и приспустил шлем на глаза, собираясь подремать. Это была его привычка еще со времен обучения - дремать в самые неподходящие моменты. Но болтовня Вальтера не давала ему расслабиться.

- "Иногда кончается терпение"? Ты к чему клонишь, Руд? При Крюгере от любой мелочи восставали, а здесь только после нескольких недель издевательств собрался митинг из 70 бабок. И то есть, по-твоему, это нормально?

- Чего ты так взъерошился? Наоборот, хорошо, не надо нам лишний раз подниматься. Нам все равно платят одинаково - что мы скачем по всей Вегиммии и фронту как ишаки, что мы месяцами сидим где-то в Данциге или Смертоберге, гоняя шпану от скуки и потягивая очередное пиво.

- А я, может, пошел в полицию не потому, что здесь можно отлынивать и тебе никто ничего не сделает. По крайней мере, не сдохну от цирроза в 30.

Вальтер сказал это, надеясь вывести Рудольфа из себя и намекая на его слишком большое пристрастие к алкоголю, поскольку был заряжен на спор. Рудольф хотел ответить, но понял смысл сказанного и осознал, что Вальтер "берет его на понт". "Если играть, то по-крупному", - прозвучало в голове Руда.

- Говоришь прямо как моя бабка. Вообще, помереть от цирроза - лучше, чем быть пойманным в плен французами и быть там убитым, ну или если тебя сожрет черная плоть где-то на границе Орды с Белпольшей.

Вальтер понял, что началась "игра" - кто кого остроумнее заткнет, вошел в азарт и даже позабыл, что спорил не в шутку о глупом терпении вегиммцев.

- По крайней мере, помнить меня будут как героя, ну или воздвигнут памятник неизвестному солдату. А то как потом твои родственники на похоронах будут выглядеть? Рыдать по алкоголику, пившему без перебоя?

- Их не будет.

Это был намек на родных Вальтера, а точнее - на отсутствие каких-либо вестей от них. Единственное, что знал Вальтер (или о чем не говорил), так это то, что они участвовали в восстаниях при Крюгере, а сам он рос на луковой ферме с няней и несколькими другими детьми.

- Да ты...

Хотя Вальтер и привык к шуткам на этот счет, прямо сейчас это прозвучало не просто обидно, а означало его поражение в этом шутовском споре. Размахнувшись, он хотел было влечь другу подзатыльник, но Рудольф, который облокотился на стену, в момент размаха случайно сполз на несколько сантиметров вниз, пропустив удар. Он не сразу понял, что вообще произошло, и догадался только тогда, когда увидел стоявшего в недоумении Вальтера. Тот протягивал долгое "ээ?", а Рудольф засмеялся, возгордившись своим везением. Крепкий удар по шлему принес бы боль и Вальтеру, а у Рудольфа от такого было чувство, будто его ударили молотом.

- И все же народ - терпила ты еще, - несмотря на веселую атмосферу, продолжил о своем Вальтер.

- Ну, по факту оно так и есть. Но мне отлично живется, был бы ты попроще... - Рудольф замолчал, осознав, что сейчас может начаться новый спор, и решил все мирно закончить.

- Думаю, что кто-то сейчас где-то сидит и планирует переворот. Если тебе так хочется, то можешь вступить в ряды этих... как их там... восставших.

- Знал бы - вступил. Я служу за идею. От голода я не помру, крыша над головой тоже есть, поэтому деньги и комфорт как-то на второй план отходят.

- А может, ты просто изначально за идею был?

- И это не исключая. Еще на ферме няня говорила, что если тебя тянет именно идея работать или служить где-то, то именно там тебе и место. Намек ли это был от нее, что я пойду в полицию и, возможно, организую переворот?

- Хах, Вальтер, ты хотя бы не облажайся на разгоне этих калек, а потом о восстании думай. Забыл, как ты еще в училище на элементарных заданиях, по типу сборки винтовки, тупил?

- Ну, ты сам сказал про восстание, и я поддержал тему... И моя скорость сборки винтовки вообще ничего не значит. Тебе это хоть раз где-то не на учениях пригодилось? Вряд ли. Да и если бы я тупил везде, я бы не прошел все обучение - вылетел бы, и отправили бы в пехоту. А так, как говорили инструктор и Геринг, у меня весьма светлый ум.

- И когда они это говорили? Я не припомню такого, вроде наоборот - обсирали тебя при первой же возможности, - усмехнулся Рудольф, решившись, наконец, поправить шлем.

- Я за несколько недель до выпуска слышал из их кабинета, как они разговаривали, и Геринг сказал: "У Вальтера нет выдающихся физических достижений, но у него крайне светлая голова. Далеко пой...".

Не успел он договорить, как Рудольф прервал его:

- Пряма сам Геринг? В жизни не поверю, что он это сказал бы.

- Хочешь верь, хочешь нет, но он так сказал.

Хотя на фоне разговаривали другие новобранцы, для них двоих будто повисла мировая тишина, которую прервал Рудольф, спросив осторожно, сам начинает верить в слова Вальтера:

- А про меня там, случаем, ничего не говорили, а?..

- Про тебя? Не слышал. Но, наверное, обсуждали, потому что, как я понял, они разговаривали о выпускниках. Услышал только про Герду, Хуберта... ну и про меня.

- Про меня? Про меня что-то говорили?

В разговор вписался Хуберт, который стоял рядом и слышал их беседу. Это был низкий парень с короткими волосами и нелепыми глазами, будто он - игрушка, но от этого он был по-своему мил. Хуберт был общим другом для них двоих и поэтому позволил себе влезть в разговор, но не был слишком близким. Вдобавок к нелепой внешности, его характер полностью соответствовал лицу - крайне любопытный и мыслящий поверхностно. Можно было назвать его даже назойливым и немного глупым, но никто его так не называл, поскольку все его любили.

- Да, Хуберт, говорили, - ответил Вальтер.

- И что говорили?

- Я не расслышал, так как уходил, но сказали что-то про твою быструю обучаемость. Либо что-то в этом роде.

- Вау... Чтобы так сказал инструктор...

- Геринг, это говорил Геринг, - поправил его Вальтер.

- Еще и сам Геринг?! Охереть!

Хуберт буквально светился от радости и, как это часто бывало от переизбытка счастья, начинал все больше встревать.

- Вы там говорили что-то про переворот, так вот - я бы с радостью взял оружие и пошел с вами!

Парень хотел еще что-то сказать, но Рудольф, понимая, что их мог кто-то услышать, рукой закрыл ему рот, а свободной рукой, приставив палец к губам, приказал замолчать. Вальтер дополнил:

- Тихо ты, Хуберт. Я, конечно, рад твоим порывам, но будь потише, а то нас могут немного за это казнить.

Хуберт не был глупым и, вспоминая слова Геринга о его быстрой обучаемости, понял все и сам, без лишних просьб отошел от них. Вновь повисло молчание, которое прервал Рудольф:

- Ну вообще, если бы среди этих восставших был ты и много наших парней, то я бы тоже пошел...

Вальтер улыбнулся и сполз вниз по стене, сев на землю и ничего не говоря. Чаще всего в таком формате и проходили его споры с Рудом.

- Зелень, подъем! - прозвучал прокуренный голос того самого полицейского, который пытался убедить толпу в том, что все в порядке и им стоит пойти домой. Но толпа, очевидно, его не послушала, и он, зная, насколько начальству будет все равно, скинул всю ответственность на новобранцев-карателей (хотя их должны были поднять только тогда, когда митингующие начали бы проявлять агрессию).

- Сейчас встанете и пойдете гонять толпу. Стрелять в крайнем случае, дубинками побейте пенсию да газ закиньте им. Все понятно? - спросил полицейский, немного нагибаясь вперед, будто желая лучше услышать вопросы новобранцев и посмотреть им в лица.

Вопросы были, в том числе и у Вальтера с Рудольфом, но он не стал никого слушать и пошел прочь, поправляя съехавшую с плеча винтовку. Уходя, полицейский позвал сидевшего рядом на ящике приятеля:

- Пошли, им бесполезно что-то отвечать. В казармах как раз наши притащили какие-то новые карты, говорят, французские...

Он рассчитывал, что его напарник слышал весь инструктаж для новобранцев, но тот ничего не расслышал, и ему пришлось дополнить свою речь:

- Говорю же, на зелень все скинул. Или зачем их сюда притащили? Пускай учатся.

Новобранцы посмотрели в сторону уходящих за небольшой пост полицейских и начали готовиться к разгону толпы. Часть карателей готовилась к этому с пустыми лицами, будто это происходило каждый день. Из таких был Рудольф и несколько их с Вальтером общих друзей: Герда, Зигфрид и Дайон. Другая же часть, среди которой были Вальтер и Хуберт, была более эмоциональной, и на их лицах читалась растерянность (но не у всех это было от того, что им приходится бить обычных людей: кто-то боялся последствий, кто-то видел своих знакомых и так далее). Вальтер чистил винтовку, хотя стрелял бы в самую последнюю очередь, и вспомнил, как Рудольф хотел что-то спросить у того полицейского - это было не в его формате, что-то спрашивать.

- Руд, а что ты хотел спросить?

- У кого?

- У полицейского этого, кого ж еще.

- Да я спросить хотел, а можно ли потом будет уйти.

- А, ну... Я мог бы и предположить, что ты задашь этот вопрос.

- Так почему спрашива... - прервался Рудольф.

Вальтер не понял, в чем дело, и спросил у Бисмарка, что случилось. Тот ничего не ответил и встал прямо, а винтовку повесил на плечо.

- Руд? - даже испуганно спросил Вальтер и начал всматриваться в его глаза, пытаясь понять, куда он смотрит.

Рудольф покосился на него, задвигал мышцами щек и косо глянул на друга.

- Руд? - еще раз спросил Вальтер.

И на этот раз Бисмарк едва различимым шепотом все-таки сказал, в чем дело:

- Он... офицер...

А затем хором со всеми другими новобранцами (кроме Вальтера) они отдали воинское приветствие:

- Здравствуйте, офицер Барнс Альфред!

От высокого мужчины в военной форме прозвучало: "Вольно, ребята", - и только после этого Вальтер смог повесить винтовку на плечо и отдать приветствие. Он сделал это уже после команды Барнса, из-за чего на него косо посмотрел Зигфрид и еще несколько новобранцев. Зигфрид еще с самого начала обучения не сдружился с Вальтером, но им приходилось мириться с присутствием друг друга в одной компании из-за общих друзей. Он был как Рудольф, но говорил не прямо и без шуток, а тонко намекая. Зигфрид имел куда лучшие физические показатели (он был одним из лучших в этом плане: почти 190 см роста и крепкое телосложение), чем Вальтер, но вести себя как собаки на цепи по отношению друг к другу они стали из-за споров насчет взглядов еще в самом начале обучения и банальной взаимной зависти.

Барнс - без преувеличения великий офицер. Сейчас ему за 60, он сутулится, у него лысина и очень длинные усы, но раньше (да и сейчас) Альфред руководил легендарной 11-й кавалерийской дивизией. Под его командованием дивизия в одиночку разгромила восставших в Ганновере еще при Крюгере, при этом мастерски влившись в ряды восстания и уничтожив их за одну ночь. План полностью принадлежал Барнсу, который, кстати, являлся шотландцем, чьи родственники мигрировали в Вегиммию из Фортезии Лондон еще во времена второго удара. Помимо разгрома восставших в Ганновере, его 11-я кавалерийская дивизия совершила много подвигов, сражаясь с французами и Черной Ордой. Сейчас в силу возраста он дает уроки будущим командующим и, как сегодня, благодаря своему мастерскому навыку заговаривать людей, разгоняет митинги одной лишь речью.

Проходя вдоль стоявших как попало новобранцев, Барнс остановился у самого крайнего из них, быстро развернулся лицом к карателям и, как будто он был для них отцом или другим близким человеком, начал расспрашивать о ситуации:

- Родные новобранцы, то, что вас отправили на ваше первое задание вне полигона - это хорошо, но нехорошо калечить людей тогда, когда дипломатия все еще доступна. Плохо ваши наставники обучили этому...

Барнс посмотрел в другой конец строя, в сторону того самого моста, куда ушли полицейские, давшие им указания. Он явно намекал на то, что встретил их и понял всю ситуацию.

Почесав запястье, на котором красовался большой шрам, Барнс продолжил, уже расспрашивая новобранцев:

- Значит, вам приказали разогнать толпу... Рассказали ли вам про поведение толпы, дети?

Полицейские-каратели разом замотали головами, а несколько ответили: "Нет".

- Плохо. Толпу трудно контролировать, не зная, чего можно от нее ожидать. А кто там хотя бы? А то я ничего не вижу... Шел как раз за очками, а тут такое.

Офицер провел рукой по лысине, будто там были волосы, а потом начал всматриваться в сторону толпы. Митингующие не знали, что буквально за стеной стоят каратели, готовые переломать им кости за непослушание полиции. Как и в прошлый раз, все 11 новобранцев ответили бы вместе, но первее всех вызвалась Герда. Герда - самая молодая из всех новобранцев, но от этого не менее полезная и нужная. Она была как луч света: даже с тихим и жестким Зигфридом находила общий язык, а ее рыжие, можно сказать огненные волосы подтверждали то, что она была "солнцем". Герда была заучкой и выскочкой, но от этого ее меньше никто не любил.

- Офицер Барнс, среди толпы в основном старики и женщины!

Офицер, осматривавший в это время новобранцев, начал искать взглядом девушку и нашел ее только по звуку и ярко-рыжим волосам.

- Спасибо, девочка, - сказал он с улыбкой и пошел в сторону толпы.

Герду напрягло, что он пришел сюда не по приказу, а просто проходил мимо. Она посчитала, что просто так выходить к толпе опасно, и спросила у Барнса, стоит ли ему идти к злой толпе без охраны. Альфред ответил:

- Вы же здесь с винтовками и дубинками стоите, чего мне бояться?

Все смотрели вслед уходящему Барнсу. Рудольф и некоторые другие вздохнули с облегчением - ведь не придется делать всю грязную работу.

Офицер Барнс Альфред напомнил Вальтеру инструктора Рим Харнер (хотя и не совсем инструктора). Рим преподавала пару дней несколько раз в год, в основном когда все другие инструкторы болели либо были на заданиях. Ее любили все за методы преподавания, в которых она часто обращалась к теме полезности навыков в реальной жизни, хотя она стремилась в командующие, а не в преподаватели для сопляков. А еще, возможно, ее любили за то, что она была ненамного старше их и находила с ними общий язык. Вальтеру, к примеру, было 16 лет, а ей - 24 года. Вальтер положил руку на плечо Рудольфа, который все еще стоял в удивлении от встречи с Барнсом и пришел в себя

только тогда, когда друг начал трясти его за плечо.

- А? Чего тебе? - спросил Рудольф.

- Я вспомнил, как ты рассказывал, что Рим недавно дослужилась до нового звания. Вроде бы младшего преофицера... или как там его?

- Вот еще что вспомнил. Она еще два месяца назад до этого звания дослужилась. - Рудольф замолчал, а после добавил, чувствуя подвох: - А ты чего спрашиваешь-то?

- Да вот подумал... Она же твой родственник, так, может, от этого нам что-то перепадет? Рудольф усмехнулся.

- Хах, еще чего! Она мой очень дальний родственник, так что даже мои родители об этом узнали только от меня. Да и за то время, когда она у нас преподавала, я не припомню каких-то поблажек для нас или хотя бы для меня.

- А как ты вообще узнал, что вы родственники? У вас же фамилии разные, да и вы не похожи... Ну, только характерами смахиваете.

- Да я как-то в городском архиве засиделся и нашел что-то наподобие справочника фамилий Килена. Ради интереса посмотрел, что там по Бисмаркам происходит. Я-то понимаю, что фамилия не редкая, но быстро нашел свою бабу, а через нее случайно наткнулся на Рим. Даже не знал, что она из Килена.

Вальтер был удивлен. Ему казалось, что находить родственников - это очень простое дело, и они сами все находятся. Но на самом деле ты можешь дружить с человеком, а окажется, что он твой родственник.

- Наверное, там был не чисто справочник фамилий Килена, а еще и генеалогическое древо.

Рудольф ничего не ответил, а выглянул из-за угла, посмотрел на Барнса, который пытался привлечь внимание толпы к себе, а после вернулся к диалогу с Вальтером:

- Да мне без разницы, главное, что узнал это. Ну а фамилии разные в итоге потому, что от нее кто-то взял одну фамилию, потом другую, ну и так далее. Хах, помню лица родителей до сих пор, когда приехал на каникулы и рассказал, что узнал.

- А ты не интересовался у самой Рим, знает ли она об этом? Если бы знала, то, возможно, тебе что-то и перепало бы.

- Узнавал, конечно. На следующий же день. Тогда еще, если помнишь, у нас было всего несколько пар и все с Рим, а к 12 нас отпустили, потому что вести некому больше было. Я после занятий зашел в ее кабинет. В нем сильно воняло мясом, а она сама сидела, закинув ноги на стол, и что-то такое же вонючее ела. Подхожу, дрожу так, будто передо мной не сестра дальняя, а Гиммлер или Геринг. Рассказываю, что узнал, а она так спокойно говорит: "Да я это уже давно знаю", - и отвечает на все мои вопросы так невозможно, прикинь.

- А как она сама это узнала? - раздался грубый голос.

Рудольф подумал, что это спрашивает Вальтер, но осознал, что голос подозрительно груб для его друга.

- Что за... - протянул он и посмотрел в сторону Вальтера, который глядел куда-то выше.

Повернув голову в другую сторону, он увидел Зигфрида, стоявшего рядом и скрестившего руки. Дурная привычка ненадежного человека - встревать в тот разговор, где этого делать вообще не нужно. Зигфрид был ненадежным напарником: за время обучения он часто вытворял всякую дрянь, и именно от него Вальтер и другие чувствовали, что в случае чего можно ждать нож в спину.

- Руд, да успокойся ты, я же не бью, - засмеялся Зигфрид, смотря на Рудольфа сверху вниз и взявшись за его шлем.

Бисмарк, сам того не понимая, пригнулся и выскользнул из "объятий" Зигфрида. Он не понял, к чему было это действие, но не придавал значения. Лицо Вальтера оставалось серьезным, но он косо поглядывал на Зигфрида, будто ожидая момента, чтобы начать спор.

- Да, Руд, чего такая тряска? Вроде обычный вопрос... Еще раз спрошу: а как Рим-то узнала об этом?

Вроде бы в любознательности Зигфрида не было угрозы или насмешки, просто совершенно ненужный вопрос, и Рудольф хотел было ответить. Но этого было достаточно, чтобы Вальтер (и не только он) возмутился.

- Зиг. - Зигфрид поменялся в лице. - К чему такая любознательность? В чем суть встревать прямо в середину чужого разговора?

- А тебя что, волнует?

- Еще как волнует. Это, так-то, был мой разговор с Рудом, а не то что я просто посторонний и, как осел, встреваю там, где это не нужно, - ответил Вальтер, повернувшись к Зигфриду полностью.

Рудольф понял, что от него сейчас ничего не будет зависеть, и выскользнул между ними двумя, освободив пространство. Небольшими шагами Зигфрид начал подходить ближе. Спор, возможно с дракой, готов был развернуться в тот же миг, пока за Вальтера не вступился сначала Рудольф, который вообще старался уйти от разговора, а потом - Герда, Хуберт и даже не знакомые им другие новобранцы, увидевшие разгоревшуюся ссору. Все осуждали Зигфрида за его чрезмерное любопытство, на что тот пытался не реагировать, но все-таки сдался и сам отошел от Вальтера. Герда бросила ему что-то оскорбительное вслед, но это же Герда. Даже оскорбления от нее на самом деле были похожи на слова матери, которая ругает своего маленького ребенка за то, что он выбросил игрушку из люльки. Зигфрид готов был избить здесь каждого, но после слов рыжеволосой

успокоился. Будто разъяренному быку вкололи успокоительное.

Пока Вальтер разговаривал уже не только с Рудольфом, но и с остальными, Барнс толкал свою речь митингующим. Он не знал многих деталей и даже того, из-за чего митингуют. Альфред надеялся на свою антиправительственную речь, которая всегда работала на успокоение толпы. Власти прекрасно понимали взгляды Барнса, но ничего сделать не могли: ведь если его казнить или посадить за решетку - Вегиммия ослабнет. Между ним и властями сохранялся нейтралитет. Его никто не трогал, а он не поднимал солдат и народ на активные действия, хотя имел для этого силы.

"Дамы и господа. Я прекрасно понимаю ваше положение, ведь, несмотря на мой статус, я такой же человек, и у меня нет доступа ко всему. Страдаете не только вы, но даже те, кого вы ненавидите. Плохо всем. Искать виновных не нужно, ведь все, что происходит прямо сейчас - это результат Новобожия Гиммлера 1111 года, или же, по новой системе - 1 года новой эры", - Барнс, скрестив руки за спиной, начал ходить вперед-назад, рассказывая отрывок из истории мира для продолжения своей речи. "В 1099 году, когда крестоносцы напали на Иерусалим, старый бог умер. По миру прокатилась ударная волна, которая сожгла все, что имело отношение к любым верам... Иерусалим, Мекка, Киев, Рим и Константинополь были полностью уничтожены ударной волной, а другие города из-за загоревшихся святых писаний горели три месяца".

Барнс ушел в свой рассказ об истории мира с головой, не замечая, о чем кричит толпа, и не обращая внимания на происходящее рядом. Шаткой походкой из-за угла вышел неизвестный мужчина. Его взгляд был пустым, но от этого и пугающим, а дрожащая походка, будто он чем-то болен, еще больше нагоняла жути. Человек, проходя через толпу людей, словно ее и не было, приблизился к офицеру Барнсу и вытащил из рукава короткий нож, но достаточно длинный, чтобы пробить череп и уничтожить важные части мозга. Замахнувшись, он хотел безмолвно убить Барнса, который заметил угрозу только тогда, когда толпа начала не выкрикивать вопросы по типу "И сколько это может продолжаться?", а именно кричать от ужаса. У Барнса не было ни времени, ни сил, чтобы отразить или даже увернуться от удара, дабы не получить серьезного урона.

Новобранцы все так же стояли за стеной и разговаривали о своем, только Вальтер и Герда иногда поглядывали в сторону толпы, дабы убедиться, что все в порядке. После очередной глупой шутки Хуберта, над которой рассмеялись почти все, Вальтер обернулся на крик ужаса толпы и увидел замахивающегося ножом мужика. "Дерьмо", - подумал Вальтер и начал оглядывать лица остальных и друзей, пытаясь увидеть, что кто-то готовится остановить убийцу. Но люди либо не заметили вовсе, либо только заметили и делали все то же самое, что и Вальтер - смотрели на лица других в надежде, что кто-то сделает это за них. Вальтер не хотел никого убивать, он надеялся, что за всю жизнь ему не придется этого делать, но либо он убьет сейчас, либо их самих покарают, и он будет нести на себе груз ответственности за то, что не спас Барнса.

"Почему именно мне приходится это делать?!" - прокричало что-то в его голове, и он схватил не свою винтовку, а рядом лежавшую противочервивую винтовку. Это был более круп-

ный аналог обычной винтовки, созданный специально для уничтожения бронированных червей, которые перестали подчиняться. Схватив ее, он едва устоял, чтобы не упасть, потому что эта винтовка была создана для стрельбы в положении лежа или сидя. Вальтер прицелился точно в голову. В момент спуска курка на его левом глазу выступила слеза, и он тихо сказал: "Прости".

Выстрел. Большая вспышка света и громкий звук ослепили всех присутствующих, а Вальтер от огромной отдачи не устоял и упал на землю, а винтовка едва не придавила его.

Выстрел попал прямо в цель. Голова мужчины от такого попадания не то что разлетелась, а была полностью уничтожена. Не было ошметков плоти и мозга - только кровь, которая фонтаном разлетелась во все стороны, испачкав Барнса и нескольких митингующих. Тело мужчины рухнуло на месте, как будто ребенок пытается поставить на ноги плюшевую игрушку. Часть толпы разбежалась еще тогда, когда он достал нож, а сейчас митинг был полностью разогнан, и люди убегали с криками.

Барнс даже после выстрела стоял на месте и смотрел вверх, туда, где был нападавший, а его одежда и лицо были залиты кровью. Подобные случаи для него в молодости не были редкостью, но страх и отвращение от этого даже спустя годы не вернулись к нему. Простояв в таком положении еще несколько секунд, он перевел взгляд на истекающий кровью безголовый труп, а потом повернулся в сторону новобранцев, которые уже подходили к нему, пока другая часть (среди которых был Рудольф и даже Зигфрид) приводила в себя Вальтера после выстрела.

- Вот оно как, - сказал вслух Альфред, пока новобранцы расспрашивали, все ли с ним в порядке.

Вытерев платком усы и лицо от крови, офицер ответил, что с ним все нормально, и попросил показать того, кто спас его от ножа. Рудольф, услышав это, помахал рукой Барнсу, подзывая его к Вальтеру, который уже стоял на ногах, но все еще находился в ступоре. Не каждый же день ты сносишь голову человеку из бронебойной винтовки, спасая офицера.

Барнс подошел к Вальтеру, оставляя за собой кровавые следы - он наступил в лужу крови.

- Ну же, парень, приди в себя, - просил его офицер, попутно вытирая платком остатки крови на лице.

Вальтер опустил взгляд сначала на его карман, который тут же пропитался кровью от положенного в него платка, а затем - в спокойные глаза Альфреда, будто это происходило каждый день.

- Здравствуйте, - протянул он, а потом добавил: - Что со мной будет?

Барнс немного наклонился и глянул на свои наручные часы, будто у него было строго отведенное время. Заметив это действие, Герда и Дайон словно запаниковали и тоже глянули на свои часы.

- Ничего за это не будет, я это обещаю. Да и без моих обещаний тебе ничего не было бы... Как там тебя... - Барнс запнулся, желая узнать его имя.

Его быстро понял кто-то в самом конце и ответил: "Вальтер".

- М-м, Вальтер. Вальтер, к тебе никто не подойдет с вопросом, зачем ты это сделал, все вопросы я решу, поверь мне. А сейчас сходи с остальными куда-то, проветришься. Тебе это необходимо, - закончил Барнс и подошел к трупу, из которого уже вытекла практически вся кровь, и начал ждать, по всей видимости, других полицейских, которые бежали на выстрел.

Вальтер слышал абсолютно все, сказанное Барнсом. Он не боялся последствий - он убил человека, который, возможно, просто был не в своем уме, и его можно было остановить, не убивая, а затем отправить на лечение, где он показал бы, что он самый обычный человек. Сейчас где-то сидит его жена, мать, дети и ждут его, а он лежит без головы. Парень снова впал в ступор и даже не заметил, как его взяли под руки Рудольф с Хубертом и они пошли всем отрядом куда-то.

- Да ты, Вальтер, герой. Спас офицера. Даже забавно - он подавлял восстания, а сам чуть не откис от придурка с ножом, - шутил Рудольф.

- Да вообще круто поступил, Вальтер! Еще чуть-чуть, и его убили бы, и никто даже не отреагировал бы, пока ты не взял все в свои руки, не схватил бронебойную винтовку и как...

- А не кажется ли тебе, что Вальтер не очень гордится этим? - Хуберта прервал женский голос.

Обернувшись, Рудольф и Хуберт увидели сначала огненные волосы, идущие позади них, а опустив взгляд вниз - увидели Герду, которая, как всегда, переживала за других больше, чем они сами.

- Вы не видите, что Вальтер не хотел этого делать и он не гордится этим? Может, стоит оставить его со своими мыслями? - возмущалась Герда.

Рудольф почесал затылок и молча согласился с ней, а Хуберт спросил, как можно не гордиться таким поступком, на что тут же получил злой взгляд Герды и косой взгляд

Рудольфа. Подходя к казармам, Герда и Дайон (их общий друг) посмотрели на свои часы, пошептались и сказали всем, что у них есть дела в городе.

Вальтера практически несли. Он пытался перебирать ногами, но они стали словно ватными, и он запутывался в них же. "Я - убийца", - твердил голос в голове. Он, который всю жизнь хотел всего лучшего для обычного народа, самым первым среди своих знакомых военных убил этого самого простого человека.

Секретный военный штаб под названием "Шертхальм" - это тайное место подготовки командующих, а также штаб принятия решений по контрразведке и экстренным ситуациям. Он находится в лесах вблизи Нового Смертоберга, а сам объект маскируется под заповедную зону для неудавшихся генно-модифицированных червей. Занятия контрразведкой происходят лишь на бумаге: на самом деле они следят за внешними, нечеловеческими угрозами для Вегиммии и коалиции с Белпольшей. Больше всего внимания они приковывают к Черной Орде - государству-паразиту на землях бывшей Гипербореи, которое целиком и полностью состоит из черной биомассы, поглощающей все неживое на своем пути, а живое берущей под свой контроль. Несмотря на все попытки изучить историю происхождения Черной Орды, единственное, что известно - так это то, что это коллективный разум, и этот черный рой стремится поглотить и терраформировать под себя весь мир. Известно, что "дышащая плоть" и "черная плоть" - скорее всего, одно и то же, но черная плоть - это более опасный аналог первого.

Белпольша еще с самого возникновения Черной Орды была живым щитом Европы, сдерживая Орду и даже преуспев в этом. Но на горизонте маячила угроза. В Балтийском море была замечена подозрительная активность: как считают многие члены штаба, это черная плоть, движущаяся к берегам Вегиммии. А еще страшнее то, что почти все командующие, офицеры и разведчики находятся на границе с Францией, и ситуация полностью лежит на плечах нескольких молодых офицеров.

Не все в штабе занимаются выявлением угрозы со стороны Черной орды. Как было сказано ранее, это также центр подготовки командующих, и в нем обучается Рим Харнер. Ее не привлекают к вопросам, связанным с Ордой, но она входит в список тех, кто будет принимать решения, если всей верхушки не будет рядом или она погибнет раньше времени.

Штаб был практически пуст: только пара рабочих проходила по коридорам. Они, как и Рим, пользуясь отсутствием верхушки, занимались чем угодно, но не работой. Рим стремилась полжизни в командующие и, как сейчас Вальтер, когда-то тоже сражалась за идею. Но времена идут, и сейчас она здесь из-за высоких зарплат, безопасности и высокого статуса в обществе, который, в силу и без того ее скверного характера, позволял ей вести себя еще более деспотично.

До конца работы оставалось еще несколько шагов, покинуть ее единственным людям в штабе мешали очень назойливые и упертые охранники, поэтому остаток смены Рим решила проспать в своем кабинете. Стук ее ботинок был единственным звуком на весь корпус, нагоняющим не самые хорошие мысли: "А вдруг Орда высадится?". Но эти мысли были миг

развеяны, когда девушка вошла в свой кабинет и увидела мягкий стул. На смену им пришли другие думы: "В штабе будто никого больше нет, кто мог бы взять на себя это. Здесь, наверное, есть несколько человек выше меня по званию". Под скрип пола Рим бросила на стол шлем, который обязательно носили даже в штабе (что не могло ее не бесить), и села на стул, запрокинув ноги на стол. В штабе никого не было весь день, и она была предоставлена сама себе без указаний, но почему-то устала, и старый стул, который был сделан еще при Крюгере, показался мягкой кроватью.

Кажется, сиди и спи, но нет. Рим слышала звук бега по коридору, будто бежало несколько испуганных человек. Опустив ноги со стола, девушка стала ожидать момента, пока этот табун пробежит мимо, но дверь была буквально открыта с ноги, и на пороге встали единственные люди, которые оставались в штабе. Все в один голос, испуганно и громко сказали:

- Связываемся с остальными и министерствами, Орда в километре от берега Данцига!

Глава 2. Гниль в правительстве

История циклична. Человечество вновь встретило своих врагов, от которых избавилось уже очень давно. Люди успели забыть, каково это - переживать каждый день как последний. Черная плоть, словно черная краска, плыла в сторону Данцига, смотря своими тысячами глаз на город. Скоро коллективный разум должен был пополниться новыми рабами. Хотя до берега оставался еще километр, жители города уже увидели черную воду с зубами и глазами, которая плыла прямо на них. Город охватила паника. Проповедники Гиммлера, помешанные на вере, предрекали четвертый удар, крича об этом, пока мимо них бежали и кричали люди. Били колокола: те, что возвещали о чрезвычайной ситуации и призывали граждан обратить на это внимание, и те, что стояли на гиммлеровских храмах. Новый судный день настал. Никто из граждан не видел живую черную плоть, но каждый знал, на что она способна. Дышащая плоть, которую до запрета использовали в качестве подогрева и главного источника энергии, сама по себе была опасной и являлась основной угрозой после второго удара, а черная плоть - еще хуже. Из штаба Шертхальм на блокпосты на окраинах города был отдан приказ - не пропускать граждан до прибытия полиции, солдат и других мобилизованных войск. Тех, кто пытался сбежать из города, убивали на месте. Первая смерть случилась не от поглощающего роя, а от таких же людей. Людям на блокпостах не объяснили, что происходит, только сказали, что "в городе есть зараженные - никого не впускать и не выпускать".

В штабе находилось всего четыре человека, принимавших участие в операции по спасению Данцига, но даже так паника была поднята большая. Сильно паниковали трое из них. Не боялся (или делал вид, что не боялся) старший по званию высший офицер специальных групп Ян Пилсудский. Он, как и Барнс, был знатоком своего дела. Но вместо войны с другими людьми он воевал с червями и их же приручал, руководил белпольскими полками при сдерживании набегов Орды и делал еще много чего, с чем не справились бы обычные офицеры. Остальные же носились по штабу и пытались связаться с командующим и министерствами по поводу срочного переноса совещания относительно приближающейся плоти. Совещание должно было состояться только через несколько часов, и на нем присутствовал бы Барнс, но Орда прибыла раньше.

Окружающие все еще находились под действием паники, но наиболее рациональным и здравомыслящим оставался Кольт. Обычный офицер, как и Рим, он, однако, обладал навыками в тактике и стратегии лучше, чем кто-либо из присутствующих. Его не повышали по одной причине: его родственники были участниками восстаний при Крюгере. Но насколько хороши были его познания в бою против не-человека? Ян мог бы самостоятельно скоординировать все действия и срочно созвать совещание, но ему попросту не давали это сделать, а сам он постоянно ходил где-то сзади - впрочем, он был и не против. "Стадо идиотов", - думал он про себя. Последним человеком в этой "компании" была Шарлотта Гутенберг. Ничем не примечательная девушка, которая находилась здесь в качестве проповедника. Ее бы давно выгнали из штаба, но она оставалась там из-за родственников, которые занимали посты высших проповедников в Вегимской церкви Гиммлера, а также имела некоторые знания по поводу Черной Орды и плоти.

Средств для связи практически не было, а если они и имелись, то нужно было ждать очень долго, и за это время Данциг просто поглотила бы плоть. Одним из доступных методов была система колокольных ударов, и эта система имелась в штабе. О наличии этой системы здесь знал только Кольт, но не сказал об этом никому, так как думал, что в штабе есть более легкие способы связи (хотя новость о приближении плоти к берегу самым первым узнал именно он через эту систему), за что получил оскорбление от Яна и косые взгляды Рим с Шарлоттой, ведь это лишь затягивало время. Кольт повел за собой всех троих и по пути приговаривал,

что вот-вот - и они будут на месте. Вышку нашли только тогда, когда Кольт стукнулся лбом о деревянное строение и, подняв голову, увидел ее.

- Пришли. Залезаем по очереди по этой лестнице, а дальше действуем так, как скажу я, - сказал Кольт и отступил от лестницы, освобождая путь всем остальным.

Без вопросов первым из самого конца их "строю" полез по лестнице вверх Ян, за ним - Шарлотта, а последней была Рим. Переступив несколько ступеней, она остановилась и начала задавать Кольту достаточно глупые вопросы.

- Ты либо слепой, либо как ты не заметил эту вышку, так еще и врезался лбом? Она же вот такая высокая, - сказала Рим, посмотрев вверх и оценивая высоту вышки.

- Из-за высоких деревьев ее не было видно. Так делают, чтобы враг не уничтожил линии связи.

Рим поднялась на несколько ступенек вверх, давая возможность самому Кольту залезть на первую ступень, но после продолжила:

- Ну а как можно было ее не заметить впритык и удариться? Это еще одно доказательство твоей слепоты, Кольт.

Рим сняла свои очки и помахала ими перед Кольтом.

- Рим, если ты сейчас же не замолчишь и не залезешь на эту вышку, то твои очки и ты сама полетите вниз с этой лестницы, - повысив голос, сказал он и подтолкнул Рим рукой сзади. Кольт был спокойным и рассудительным человеком, но если его злили, то он мог сказать много лишнего.

- Ай! Совсем никакого уважения к женщинам у тебя, - высказав свое замечание, девушка продолжила взбираться на вышку, а в конце ей подала руку Шарлотта и помогла быстрее залезть.

Кольт, взобравшись на вышку, оценил обстановку: Шарлотта осматривалась по периметру, Рим сидела на платформе и снимала с ладоней содранную от лестницы краску, а Ян ходил вокруг огромного колокола из неизвестного металла. Не успел Кольт рассказать план действий, как Ян начал предполагать, что именно надо будет делать.

- Кольт, я полагаю, ты будешь звонить в этот колокол на каком-то языке?

- Да. "Колокольный язык", так и называется.

Шарлотта вклинилась в разговор:

- А как сообщение дойдет до министерства и остальных присутствующих на совещании? Они же сейчас, наверное, в нескольких десятках километров отсюда.

Кольт показал пальцем куда-то в сторону. Все тут же посмотрели туда.

- На расстоянии нескольких километров отсюда есть еще одна колокольня. Там сидит часовой, который, услышав наше сообщение, должен повторить его и в конце добавить наши координаты. Другой часовой в нескольких километрах от него должен сделать то же самое, и так до тех пор, пока оно не дойдет до ближайшего центра связи, откуда сообщение переадресуют адресату.

- А что от нас требуется, Кольт? - спросила Шарлотта.

- От вас? Ян, ты поможешь мне бить в колокол. Ты, Чарли, знаешь ведь колокольный язык?

- Я? Да, знаю. Еще в детстве в храме меня обучали ему.- Вот и отлично. Составишь сообщение и по моей команде продиктуешь его по символам.

Кольт подошел к колоколу, который все это время осматривал Ян. Кольт взял рядом висящую веревку, за которую нужно было дергать в определенном направлении для того, чтобы колокол издавал определенный звук, означающий символ, из которых собираются слова.

- Смотри, как надо, - сказал он, подзывая к себе Яна.

В стороне от всех сидела Рим, свесив ноги с платформы и бросая шишки на землю. Она была не против того, что ее не трогают, но в то же время ей было обидно, что на нее даже не обратили внимания.

- А про меня, я так полагаю, все забыли, да? - спросила Рим и тут же получила ответ от Чарли:

- Да ладно тебе. Сидишь, ничего не делаешь. Наоборот хорошо, скоро ведь и секунды не будет, чтобы отдохнуть. - Она сказала это, намекая на скорое совещание, на котором, скорее всего, будут решать, на кого возложат ответственность по разрешению ситуации в Данциге.

Ян дополнил слова Шарлотты:

- Да от тебя помощи как от козла молока. Сиди и дальше свои шишки бросай, а если останемся живы через несколько дней, то изучи, как работает эта чертова система связи.

Для Рим это было чуть ли не оскорблением ее матери и детей, которых у нее никогда не было. Вскочив со своего места, она хотела рассказать Яну занимательную историю о его родных, но успела сделать лишь два шага, как Кольт спросил у Чарли, готово ли сообщение, и выкрикнул:

- Откройте рты, чтобы не так сильно глушило! Ян, начинаем!

Чарли начала читать непонятные для Рим символы, а Ян просто повторял движения Кольта. Колокольный звон распространился по округе, оглушив Харнер, так как она ничего не сделала, чтобы приглушить этот звук. От громких ударов колокола птицы с чириканьем улетали с веток деревьев. Полностью закончив, все, кроме Рим, начали вслушиваться, ожидая ответа. Спустя десять секунд они слышали достаточно глухой, но различимый стук колокола. Сообщение было успешно отправлено, и вскоре должны были прибыть министры и некоторые члены военного руководства.

Сообщение было доставлено очень быстро, и все четверо ждали приезда на дорогах повозках и породистых лошадях военного руководства и министров. Больше всего ситуацию усугубляло то, что те понятия не имели, что прямо сейчас происходит в Данциге и жив ли он вообще. Никто из них не знал о поведении черной плоти на воде. Шарлотта предполагала, что плоть движется по воде со скоростью несколько сотен метров в час, а Ян, используя знания о скорости передвижения плоти по земле, считал, что город уже давно был заражен. Всем не давал покоя вопрос, что будет на совещании. Но все сошлись во мнении, что там решат, на кого скинут ответственность, и уже морально готовились к грядущей операции по спасению Данцига. Куда легче будет действовать в том случае, если заранее подготовиться, - Кольт уговорил всех составить план операции. Но даже здесь появилось большое количество противоречий. Кольт считал, что держать оборону города нет смысла и нужно эвакуировать всех, кого можно, а потом замедлить наступающего врага. Ян настаивал на необходимости мобилизации береговой охраны и флота, а также организации обороны по берегу. Рим и Чарли по сравнению с ними были просто детьми, ничего не смыслящими в военной тактике, и пытались привести их к компромиссу и разработать наиболее эффективные и безопасные меры. Дальше споров о выборе тактики дело не пошло - приехали министры и военное руководство! В штаб забежали двадцать человек, на которых были опознавательные знаки: здравоохранение, общее военное руководство и МЧС, а Шертхальм был представлен независимой от военного руководства силой для решения ситуации (остальное руководство Шертхальма не прибыло, поэтому все легло на Кольта, Яна, Рим и Чарли). Шертхальм был последним, кто входил в конференц-зал, и почти перед самым входом Кольт остановил Рим и Яна, положив им руки на плечи и заставив обернуться. Смотря на входящую в зал Шарлотту, Кольт шепотом сказал им двоим:

- Прошу вас, не высказывайте раньше времени. Мы даже не подготовили речь, мы не в состоянии вести долгую дискуссию. Прошу вас, говорите тогда, когда настанет наша очередь.

Не став слушать вопросы, он прошел вслед за Чарли и сел на свое место за очень большим круглым столом, в центре которого стояла ваза с цветами. Когда все расселись по своим местам, первым свою речь начал Кольт. Послышался скрип стула об пол, и со своего места поднялась высокая фигура. Кольт начал говорить без бумаги, пока у всех остальных перед глазами лежало огромное количество документов. Взор всех присутствующих пал на Кольта - высокого человека для своего времени (180 см) с ярко выраженным шотландо-английским акцентом, типичным для шотландской нации темным цветом волос и медными глазами.

- Мы собрали вас всех раньше времени сюда, так как подтвердилась информация о приближении Черной плоти к берегам Данцига. По нашим данным, несколько часов назад она находилась в километре от берега, а что происходит сейчас - нам неизвестно. Шертхальм имеет в своем распоряжении базу из опытных военных, сталкивавшихся с Черной Ордой, но прямо сейчас все они отсутствуют и даже банально не выходят на связь. Неизвестно, в порядке ли они. Шертхальм хоть и выступает в качестве основного инструмента против последствий первого, второго и третьего ударов, а также противодействия Черной Орде, но прямо сейчас мы не способны взять ситуацию в свои руки.

Кольт закончил свою речь и молча сел на свое место. Присутствующие пошептались, и после выступило общее военное руководство:

- Мы выступаем за принятие основных боевых решений для защиты суверенитета Вегимии и альянса против наших врагов. Ситуация прямо сейчас требует военного вмешательства, но такими вопросами во всей Вегимии занимается только Шертхальм и несколько баз ученых. Но, принимая во внимание их положение, мы считаем, что взять на себя руководство ситуацией должно здравоохранение. Черная плоть является таким же живым существом, а биология - это сфера здравоохранения.

После речи общего военного руководства обстановка в зале начала принимать менее официальный формат. Со всех сторон, кроме Шертхальма, друг другу задавались вопросы: "А почему мы?". После нескольких минут таких перекрикиваний представители здравоохранения выступили со своей речью, которая также была далека от официального стиля:

- А почему именно мы? Мы занимаемся здоровьем человека и человеческого тела, а не чем-то иным. Тем более у нас не имеется ресурсов и связей для организации хотя бы эвакуации. Этим должны заниматься военные и МЧС!

Ситуация полностью вышла из-под контроля. Все обвиняли друг друга и перекладывали ответственность, не пытаясь найти компромисс. Члены Шертхальма сидели на своих местах и молча наблюдали за происходящим. Ян сказал обычным голосом, так как все равно их никто не слушал:

- Эти придурки только казну делить умеют.

Кольт вместе с Рим готовили аргументы на случай, если придет и их очередь, а Чарли сидела с таким видом, будто ребенка отчитал учитель. Спор в зале длился еще несколько минут, пока одна из сторон не произнесла:

- А почему этим не займется Шертхальм? Они военные, они занимаются Черной плотью, и в их силах организовать эвакуацию!

С этого момента со всех сторон, даже со стороны военного руководства, начали лететь в адрес Шертхальма обвинения и требования взять ситуацию в свои руки.

- У вас должна быть связь с руководством. У вас имеются опытные военные, к примеру вы: Ян и Кольт, - были их основными аргументами. Рим вместе с Кольтом пытались что-то доказать им, но силы были не равны. Рим, как и ожидалось, "взорвалась" в первые же секунды своей речи, и пока Харнер чуть ли не оскорбляла министров, Кольт, хотя тоже легко раздражался, держался и пытался адекватно все объяснить. Их судьба была предрешена еще в самом начале, но они смогли получить для себя некоторые уступки благодаря Шарлотте. Она все это

время сидела молча, но, когда Рим и Кольт уже почти смирились с безуспешными попытками снять с себя ответственность, девушка вскочила с места и громче всех начала свою речь:

- Шертхальм готов взять на себя полную ответственность и вину за трагедию в Данциге, а также обязуется ее ликвидировать. Но напомню, что это совещание должно было собраться только через несколько часов и вопросы должны были обсуждаться с командующими Шертхальма, в ходе чего мы бы не решали, на кого скинуть ответственность, а совместными силами спасали город. Мы понимаем, что совместного участия в ликвидации не будет до прибытия командования, но выделите для этой операции Шертхальму часть своих ресурсов. Если этого не сделать, то Данциг быстро падет, весь Шертхальм казнят, а потом ответственность за падение города падет на вас по очереди. Прошу, выделите ресурсы!

Чарли замолчала, осмотрела весь зал, который не то чтобы затих, но перестал пытаться перекрикивать друг друга, и села на свое место. Никто со стороны Шертхальма, даже Рим, не посмел возразить Шарлотте, поскольку все понимали, что решать проблему все равно придется им, а так Чарли хотя бы попыталась облегчить ношу их стороны. Общее военное руководство замолчало, а после начало перешептываться, а следом за ним затихли и все остальные стороны.

Уже другой человек, представляющий общее военное руководство, наконец-то встал и огласил свой вердикт, который означал бы: жить ли Шертхальму или же его казнят.

- Мы, общее военное руководство, удивлены, что на подобные речи способны не только Кольт и Ян, но и остальные члены Шертхальма. Мы согласны оказать вам военную поддержку в виде нескольких отрядов военной полиции, огнеметных полков и обычной пехоты, а также организовать линии снабжения. Суммарно это около пятисот солдат, учитывая, что у вас есть свои силы. Также мы предлагаем здравоохранению и МЧС последовать за нами и оказать помощь Шертхальму.

Чарли переполняла эмоции - она смогла убедить военное руководство оказать им помощь, хотя даже не была офицером. От радости девушка захлопала, будто это говорил король Вегиммии, а не просто военная верхушка, которая снисходительно оказала им помощь. Она хлопала в тишине, в одиночестве, и лишь когда краем глаза заметила осуждающие взгляды своих напарников, прекратила. Когда Чарли перестала хлопать, представители МЧС и здравоохранения, не вставая со своих мест, ответили военным в такой же неофициальной манере:

- Это не наши проблемы, и у нас нет подходящих ресурсов. Если все решили, что Шертхальм должен это расхлебывать, то так тому и быть. Совещание окончено.

Не став дожидаться официального заявления о завершении, министры встали и пошли к выходу, а в зале остался только Шертхальм и военное руководство.

- Паскуды, сами же потом будут просить нас спасти их, если их окружают, - сказала Рим, получив поддержку только от Яна.

Кольт, который почти все время представлял Шертхальм, подошел к военному руководству и задал прямой вопрос:

- Когда Шертхальм может ожидать поддержку? Ситуация требует немедленной мобилизации солдат. Он подошел к одному из членов военного руководства и задал этот вопрос, но его перенаправили к другому человеку, который ни разу не говорил на совещании, и Кольт повторил свой вопрос.

- Мы мобилизуем нужные силы сразу же, как у нас появится доступ к быстрой связи. Но это будет небыстро, поэтому для ускорения мобилизации вы сами должны объехать хотя бы несколько казарм.

Военный достал из дипломата небольшую бумажную карту Пруссии с очень большой легендой.

- Смотрите, - подозвал военный Кольта, - здесь, в городе Тчев, находится несколько казарм военной полиции, суммарно сто полицеев, из которых сорок - новобранцы. Вот здесь - Бломберг. Здесь базируются сорок огнеметчиков, а также триста шестнадцать пехотинцев.

Все это мы выдаем под ваше распоряжение, пока не прибудет командование Шертхальма... Мы свяжемся с солдатами в Бломберге, а вы езжайте в Тчев, там и солдат меньше.

- Благодарю, - коротко ответил Кольт, развернулся и пошел в сторону напарников. Вслед ему кто-то в самом конце толпы из военного руководства выкрикнул:

- Передайте той девушке, что она сделала больше, чем весь Шертхальм вместе взятый!

Кольт, да и не только он из Шертхальма, услышав это, помрачнел. Исключением стала Чарли. Она, как ребенок, несколько раз подпрыгнула, размахивая руками, отчего ее волосы с бордовыми прядями развеялись в стороны, и закричала:

- Я люблю вас!

Военные полицаи, независимо от места выполнения работы, содержались в казармах на двадцать человек; даже если в городе у них был свой дом, они жили здесь. На дворе уже стояла ночь, но в казармах до сих пор горели керосиновые лампы - еще детское время. Несмотря на имеющийся график, который вплоть до штрафбата запрещал шуметь по ночам, в коррумпированной военной полиции ему никто не следовал, и из помещений были слышны громкие разговоры и смех. Отряд новобранцев проживал в своей собственной казарме, в которой молодые полицаи не на шутку разгулялись. Хуберт и Герда, как обычно, в это время уже спали, Зигфрид разговаривал о чем-то со своей компанией, при этом не подпуская никого к себе ближе, чем на метр, а Рудольф устраивал сомнительные игры с остальными новобранцами. Единственными, кому было не до веселья, оставались Вальтер и Герда. Вальтер все еще не мог переварить случившееся днем, когда он застрелил из бронебойной винтовки обычного человека. Он сидел на втором ярусе своей общей кровати с Дайоном и молча смотрел в пол. Герде было беспокойно из-за Вальтера, его переживания она принимала как свои. Она сидела рядом с ним и положила руку ему на плечо, забравшись на второй ярус под предлогом: "Тут спокойнее, чем внизу".

- До сих пор думаешь об этом?

Герда, как и ожидала, не получила ответа, но продолжила, не рассчитывая на взаимность:

- Ты поступил правильно, Вальтер. Не только потому, что ты спас Барнса, а еще...

Девушка не смогла подобрать подходящие слова, чтобы сделать свою речь более утешающей, но Вальтер впервые за последнее время смог что-то сказать:

- А еще почему? Какая может быть другая, правильная причина моего поступка?

- Ты сделал это ради нас. Нас всех. Идеальным рычагом оказалось упоминание целей Вальтера. Он, несмотря на все пройденное, до сих пор старался выполнять первоначальный долг военной полиции: помогать народу и сослуживцам. Но Вальтер вместо осознания сказанного перевел диалог в совсем другое русло и заговорил в такой манере, в какой практически никогда раньше не изъяснялся:

- Почему ты пытаешься всем угодить, Герда? Неужели ты понимаешь свою беспомощность и бесполезность в нашем отряде, которую пытаешься скрыть помощью остальным?

- Что? Что ты такое вообще говоришь? С каких пор доброта считается попыткой спрятать свою бесполезность? Напомнить, у кого были одни из самых высоких баллов при обучении?

Герда и в самом деле была достаточно бесполезной. Ни физической силой, как у Зигфрида, ни высокими тактическими навыками, которыми обладал, к примеру, тот же Вальтер, она не отличалась. Но и доброй и понимающей ко всем она была не от осознания этого, а действительно в силу своего характера. Слова Вальтера показались ей бредом, но, немного подумав, она действительно начала осознавать свою бесполезность, хотя и не хотела этого.

- Даже если я бесполезна и добра только потому, что "хочу показаться полезной", то почему многие обращаются ко мне и действительно чувствуют себя лучше? Была бы я такой, ко мне бы не обращались. Вальтер, это обидно.

Вальтер начал осознавать все, что он наговорил этому клубку счастья и доброты. Это вовсе не было похоже на него, что пугало его самого.

- Думаю, ты права. Но вопрос остается открытым: какая была причина моего поступка?

Герда хотела дать ответ, как вдруг с первого яруса выглянула голова Дайона.

- Если бы это сделал не ты, то сделал бы кто-то другой, твой друг. Ты взял на себя чувство греха за другого. Представь, что сейчас было бы с Хубертом или Рудом, если бы они сделали это?

Дайон имел с Гердой необычную связь, которую замечали все служащие. Они понимали друг друга, едва начав разговор, и, прямо как сейчас, дополняли слова другого. Возможно, между ними что-то и было, но подтвердить это никак нельзя. Сказать одно можно точно - они были очень хорошими друзьями.

Сказав это, Дайон залез к Герде и Вальтеру на второй ярус кровати. Герда хотела сказать все то же самое, но он ее опередил. Улыбнувшись, девушка продолжила:

- Сегодня ты взял на себя эту ответственность, а завтра мы поможем тебе. Ты можешь на нас положиться: на меня, Дайона, Руда, Хуберта, даже Зигфрида и всех остальных.

Вальтер наконец осознал это. Он молча улыбнулся и поднял взгляд к потолку, протирая глаза от сухости, вызванной душным воздухом от двадцати человек в небольшой полицейской казарме. Слова Герды и Дайона не полностью успокоили Вальтера, но ему определенно стало легче, и у него впервые за шестнадцать лет появилось противоречие в его взглядах: "Если человек, как мне кажется, плохой, то является ли он таким на самом деле? Солдат страны врага просто выполняет приказ, прямо как я. Существуют ли плохие люди на самом деле?".

Входная дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о рядом стоящую тумбочку. Все встали по стойке смирно, думая, что пришел кто-то из командующих и сейчас их всех отправят в штрафбаты за нарушение режима, но на пороге стоял обычный полицейский. Как только это поняли, все ожидали, что он попросит еды или воды, как это бывает обычно, но он испуганным голосом произнес: "Все на плац!" - и побежал предупреждать остальные казармы, так же врываясь в них. Новобранцы впали в ступор - ранее такого никогда не происходило, даже на учениях. Списать на шутку старших тоже никто не мог, так как если те и шутили, то обычно в нетрезвом состоянии, а сейчас... Не найдя другого объяснения, да и получив приказ, вся казарма в домашней одежде выдвинулась к сцене, которая находилась на улице. Предупредили не только их, а вообще все здание. По коридорам шли другие отряды, которые также ничего не понимали и смотрели на проходящих рядом с такими же недоуменными взглядами. Когда они вышли к сцене, у нее уже стояло несколько отрядов, кругами ходили несколько полицейских с винтовками, а на самой сцене стояли пять человек, одетых в именную форму штаба Шертхальма. "Это точно не розыгрыш", - думали пришедшие из казарм полицейские.

Отряд новобранцев, стоял недалеко от сцены, и все присутствующие смогли разглядеть тех, кто находился на ней: Барнса, Рим, Яна, Кольта и Чарли. Для присутствующих Чарли была незнакомкой, в то время как всех остальных знали за их заслуги или, как в случае с Рим, за ее прямую связь с ними. При виде тех, кто стоял на сцене, в головы начали пробираться не самые хорошие мысли и осознание того, что их сейчас отправят воевать, но оставался вопрос - куда. Все перешептывались и ждали, когда руководство начнет говорить. Убедившись, что все казармы пусты, из здания выбежал один из полицейских, который крикнул: "Все на месте!". Кольт, сделав шаг вперед, громко начал рассказывать, почему всех собрали:

- Это не учения. У берегов Данцига была замечена черная плоть, которая приближается к городу. Что происходит прямо сейчас в городе - неизвестно, возможно, он уже давно пал, поскольку сообщение о приближении мы получили днем. Правительство назначило Шертхальм для ликвидации угрозы в Данциге, выделив вас и другие группы солдат из разных городов. Город, в котором многие из вас выросли, находится в опасности, и медлить нельзя. Прямо сейчас вся часть отправится со мной и другими опытными командующими на ликвидацию угрозы. Что нас ждет - неизвестно. Возможно, нам придется лишь эвакуировать город и не нужно будет сражаться, а может, мы все погибнем за него. Командовать операцией будут опытные военные: я, Ян Пилсудский, Рим Харнер и Альфред Барнс. Несмотря на наш опыт, мы не

можем гарантировать успех операции, но каждый, кто примет в ней участие, будет удостоен звания героя Вегиммии.

Паника среди полицейских началась сразу же, как только Кольт сказал про черную плоть в Данциге. Кого-то напугало то, что придется воевать с тем, о чем ничего не известно, кто-то боялся за свой город, кто-то - просто за свою жизнь, и было еще множество причин. Отряд новобранцев (они были единственными новобранцами в этой части) стоял на месте, только иногда перешептываясь, и будто ждал действий окружающих. Но в головах у них творился суший кошмар. Хуберт, который был родом из Данцига, просто стоял в ступоре от осознания того, что с его родителями могло что-то случиться. Рудольф и Зигфрид боялись за свои жизни, к тому же Зигфрид тоже был родом из Данцига. Единственными, кто не боялся отправиться в город, были Вальтер, Герда и Дайон. Остальные члены отряда волновались не меньше других. Три друга Зигфрида - Макс, Магнус и Курт - сразу же решили, что сбегут, как только появится возможность. София и Клаус, как серые мыши в отряде, просто смирились со своей участью, так как терять им было просто нечего, а у Магнуса, который был как второй Вальтер и сражался за идею, тут же сломались все его представления, и он захотел вообще уйти из военного дела.

- Эй, Руд, что ты будешь делать? - спросил стоявший рядом с Рудольфом Вальтер, который осматривал каждого из своего отряда. Дольше всего он смотрел на лица - по ним можно было понять намерения человека, но Вальтер решил убедиться в этом, спросив друга.

- Я... не знаю. Будет возможность - убегу.

- И зачем ты тогда вообще шел в военную полицию?

- Вальтер, я тебе объяснял свою позицию кучу раз.

- Но ты же должен был предполагать, что тебе все равно придется делать что-то подобное.

- Предполагал, но в мои задачи входит разгон митингов и карательные операции, а не чертово уничтожение черной плоти!

Осознание пришло к Вальтеру. Действительно - это не входит в их обязанности, сейчас их отправляют туда, где даже обычные пехотинцы не смогут воевать. Он понял это, но своего мнения не изменил - он должен отправиться в город.

Напряжение среди всех отрядов достигло своего апогея. В сторону Кольта и остальных на сцене летели оскорбления, люди считали, что их отправляют на "мясной штурм", чтобы хоть немного задержать врага. Следом за оскорблениями началось дезертирство. Сначала сцену начали покидать старшие, а затем и все остальные. Взгляды и мысли Рим были очень схожи со взглядами Яны, пусть они и жили как кошка с собакой. Возможно, она поняла бы дезертирство, но ее оскорбили, а такого она оставить просто так не могла, и ей захотелось отомстить. Она надеялась, что у Шертхальма остались силы, и если наказать дезертиров, то ничего не изменится. Она подошла к Яну и спросила, что он думает насчет массового дезертирства, так как ни Барнс, ни Кольт ничего не говорили и только молчали.

- Янчик, ты же имеешь те же права, что и Кольт?

- Имею, но к чему ты это спрашиваешь?

- Тебе не кажется, что вот эти... - Рим показала пальцем в сторону уходящих полицейских, и это заметил отряд новобранцев, у которых Рим иногда преподавала. Это заметил Рудольф и, зная ее, несмотря на тревогу и желание также уйти (что уже успешно сделали Магнус, Макс и Курт, а следом за ними собирались уйти сам Рудольф и Зигфрид), сказал об этом всем своим и попросил "ничего такого не делать, на всякий случай".

- ...Что вот эти много себе позволяют? Вроде был приказ, а они оскорбили и сваливают.

- Ну, хоть в чем-то я с тобой согласен. Было бы у меня больше прав, я бы их просто в мясной штурм отправил.

- Ну, я не про это... Ты можешь приказать смотрящим пресекать дезертирство? Пускай страдают.

- А, ты про это. С радостью... Да и если все уйдут, то нас военное руководство лично казнит.

Ян с улыбкой подошел к Кольту, отошел от него на шаг и отдал свой приказ. Барнс, Шарлотта и Кольт смотрели на него осуждающе, но понимали его действия и чего-то ждали... Наверное, как и эти дезертиры: ждали, пока кто-нибудь выступит против приказа Яна. - Дезертиры будут наказаны. Каждый, кто покинет сейчас этот плац, будет задержан и казнен. Это приказ, - отдал короткий приказ Ян, и смотрящие полицейские начали хватать уходящих. Но сил просто не хватало, чтобы задержать более сорока человек, и часть из них успела сбежать, а многие другие начали давать отпор. Дело дошло до массовой драки, в которой не принимали участия только тридцать из восьмидесяти поднятых полицейских (в том числе и отряд новобранцев). Магнуса, Макса и Курта также настигли - на них напали шестеро полицейских, и они ничего не смогли им сделать. Задерживали дезертиров как могли. Избивали, пытались вырубить ударом в голову, а некоторых избивали до предсмертного состояния, и те валялись в луже своей же мочи и крови.

Все из отряда новобранцев последовали совету Рудольфа и ничего не делали до слов Яна, да и после его слов оставались на местах, видя, что происходит.

- Ого... Повезло же мне это ляпнуть, - дрожащим голосом сказал Рудольф, не до конца осознавая, что спас своих друзей и напарников от правосудия. Вальтер не двигался с места, так как боялся, что их могут посчитать за дезертиров, но посмелел, когда Руда похвалил Хуберт, а следом за ним со спины его обняла Герда. Даже Зигфрид не остался в стороне и поблагодарил его, добавив, что если бы он ушел, то повторил бы участь своих друзей: его большая физическая сила не спасла бы его от шести взрослых мужчин. Поняв, что за ними никто не идет, Вальтер подошел к Рудольфу, которого все еще обнимала Герда.

- Отлично, Руд. Ты все еще хочешь уйти отсюда?

Вальтер сказал это, намекая не только на то, что их казнят, а на то, что он нужен всем им, и вместе они смогут выбраться живыми из Данцига.

- Честно, я все еще хочу уйти... Идея погибнуть или стать пешкой черной твари меня не очень привлекает.

- Меня тоже, Вальтер. От того, что Рудольф отдалил нашу смерть на несколько часов, я все еще хочу свалить куда подальше, - вклинился в разговор Зигфрид.

- Что? Тебя даже не волн... - Вальтера прервал голос Барнса со сцены.

- Полицейские, мы понимаем, почему вы уходите отсюда, даже не боясь правосудия. Идея погибнуть неизвестно от чего меня тоже не очень-то привлекает. Сегодня мы даем право покинуть это место каждому, кто не может преодолеть свой страх. Но помните, что, уйдя сейчас, вы оставите своих матерей, братьев, сестер, отцов и других близких в Данциге и, возможно, никогда их больше не увидите. А те, кто остается и согласен погибнуть в Данциге, пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Благодаря вам ваши семьи в городе не познают страха перед гитлеровскими отрядами.

На сцене все-таки Барнс решил отдать приказ, разрешающий дезертирство. Этого, возможно, и не произошло бы, если бы чуть ранее на этой же сцене Рим не заметила отряд новобранцев и в нем Рудольфа. Ян и Харнер смотрели на плоды своего сада хаоса, забыв, что они должны, наоборот, пресекать его. Ее взгляд зацепился за тех, кто не поддавался панике и стоял на месте. Не было ни одного другого отряда, который стоял бы в полном составе. Но в наибольшем составе был именно отряд новобранцев. "Самоубийцы", - подумала она и неожиданно заметила знакомую фигуру. Присмотревшись, она увидела своего двоюродного брата - Рудольфа. Рим было все равно на него, факт его наличия здесь ее не позабавил, и она сообщила об этом всем остальным в шуточной форме. Барнс, который очень высоко ставил семью и родственников, определенно не оценил ее шутку и подумал, что она так пытается скрыть свою

тревогу за родственника. Следом за этой мыслью он представил, как будут горевать семьи тех, кого казнят за дезертирство, и он отдал приказ, который никто не осмелился нарушить.

Приказ Барнса прозвучал как слова ангела, освобождающие каждого присутствующего от невидимых магических оков. По очереди даже те, кто стоял здесь после приказа Яна и Рим, начали уходить, в том числе и те полицейские, которые ловили дезертиров. Из ранее стоявших тридцати человек число постепенно уменьшалось... В их числе были Рудольф, Зигфрид и Клаус. Зигфрид с Клаусом молча начали уходить, а Рудольф прощался со всеми, будто понимая, что, возможно, их больше не встретит, или ожидая, что его начнут упрашивать остаться.

Как и ожидалось, их начали упрашивать не уходить. Клаус, как обычно, никого не слушал и ушел, пока остальные пытались отстоять и объяснить свою позицию ухода. Зигфрид стоял в нескольких метрах от основной группы, а немного дальше от него, но ближе к остальным - Рудольф. Никто особо не хотел, чтобы Зигфрид оставался, но все понимали, насколько он будет полезен в операции, а Вальтер, Герда и Дайон, несмотря на натянутые отношения, все же ценили его.

- Я сказал нет, - в очередной раз выкрикнул Зигфрид в ответ на уговоры. Лидера в их отряде не было, но и наиболее "уважаемым" в нем Вальтера нельзя было назвать. Куда больше лидером можно было назвать Зигфрида или даже Рудольфа, но Вальтер часто выступал в роли "дипломата".

- Ну если нет, то почему ты не уходишь? - спросил Вальтер.

- Да забавно понаблюдать, как вы пытаетесь меня уговорить.

- А может, ты не хочешь уходить и готов отправиться в Данциг из-за родни в городе, но что-то тебя останавливает?

- А-а... Ну, за родню в нем я действительно волнуюсь и собираюсь отправиться туда самостоятельно, не пушечным мясом. Ладно, Вальтер, это звучит убедительно, но недостаточно. Если я вам так нужен, то какие еще аргументы ты используешь, чтобы меня убедить остаться с вами?

- Я тебя понял. А в чем тогда проблема отправиться с военными, имея при себе оружие в городе? Так, если что-то случится, ты сможешь спасти свою родню, а отправившись самостоятельно - ты не сможешь ее спасти. Напомню, что нам нельзя выходить с оружием за пределы Тчева.

Зигфрид хотел возразить, сказав, что он возьмет с собой оружие, но Вальтер опередил его и упомянул про ношение оружия. Он все-таки согласился участвовать в операции.

Настала очередь уговоров для Рудольфа. Все возложили надежды на Вальтера, так как он проявил себя как хороший дипломат, и даже Зигфрид понадеялся, что он сможет уговорить Руда остаться, но тот был ни в какую. "Мне незачем отправляться в Данциг умирать. Вся родня в Килене", - было его главным аргументом, который стоял как стена. Вальтер не мог найти рычаг давления и почти сдался. Но этот самый рычаг нашел Хуберт:

- В смысле тебе нечего терять? А как же мы сами?

На секунду Рудольф представил картину: раскиданные во все стороны органы, тела, покрытые черной плотью. Эта картина, наоборот, должна была еще сильнее отпугнуть его от участия в операции, но Руд понял, что друзей, кроме тех, что стоят прямо сейчас перед ним, у него больше и нет. Он замолчал, обдумывая слова Хуберта. Следом за ним подобное сказали остальные, и Рудольф полностью сломался и согласился остаться после слов Зигфрида и Герды.

Теперь вместо тридцати человек здесь стояло только двадцать, и это было финальным числом. Вместо обещанных ста полицейских на самом деле оказалось в пять раз меньше. Малый толк от двадцати военных полицейских подметила даже Шарлотта, далекая от военного дела. Хотя Кольт осознавал это, он попытался даже тут найти свои плюсы: "Зато двадцатью управлять легче". Но даже это было разбито репликой Рим:

- Это еще хуже. Кроме банальной нехватки сил, от их малого числа, не дай бог, мы еще к ним привяжемся, и если сдохнет один, то такая потеря будет...

- Кстати о привязанности, - добавил Альфред Барнс, наблюдая за тем, как Зигфрида и Рудольфа уговаривали не уходить, и показал на них пальцем. - Может, смерть каждого и будет моральным ударом, но от этой же привязанности, как сказал Кольт, ими будет легче управлять. Я даже к одному успел привязаться: вон к тому, с белыми волосами.

Он указывал на Вальтера.

- Этот парень сегодня меня спас. Хотя я едва запомнил его имя - Вальтер, я успел к нему привязаться и вижу в нем хорошего воина, а еще под нашим общим командованием... Ладно, ребята.

Барнс развернулся и пошел к лестнице вниз.

- Начинаем готовить их к отправке в Данциг. Отряд, в котором Вальтер, поместите в нашу общую повозку, мест должно хватить. Хочу "привязаться" к ним.

- Странный мужик, - сказал Ян, когда Барнс полностью ушел из поля зрения.

- Ну, есть такое, - добавила Рим.

Следующий приказ по сбору военных отдал Кольт, пока остальные пошли следом за Барнсом к стойлу с лошадьми. Так как людей было немного и не было непосредственной угрозы, Кольт спустился со сцены и лично отдал приказ всем начать готовиться: одеться в боевую форму с броней (они до сих пор стояли в домашней одежде), взять винтовки и патроны. Он сам за более чем двадцатилетний опыт военного дела никогда не привязывался к солдатам, но ценил их и не отправлял в мясные штурмы. Но сейчас... Что-то странное он испытал, особенно вспоминая слова Барнса. Возможно, это из-за того, что он отдал приказ им лично, а не произнося его со сцены или выкрикивая в окопе.

Уже через час все были собраны и сидели в повозках, ожидая, когда они прибудут на место. Хотя на дворе был час ночи и мотыльки кружили над лампой, которая освещала все повозки и путь конюху, никто не спал, а надо было. Все волновались за предстоящую операцию - не умрут ли они хотя бы? Но в повозке, где находился отряд новобранцев (в нем вместо одиннадцати человек осталось только семеро), не спали из-за разговора с членами Шертхальма: Кольтом, Яном и Рим. Шарлотта была как пустое место - оно и неудивительно, она сама это понимала и не возражала. Вне Шертхальма здесь был и Барнс. Многих интересовал вопрос, почему Барнс присутствует здесь, ведь он не имеет никакого отношения к Шертхальму, на что тот ответил, что Шертхальм сам его нашел и попросил просто помочь собрать полицейских, но он сам предложил свою помощь в участии в операции. Помимо военных вопросов они разговаривали и о жизни. Барнс много расспрашивал Вальтера, а остальные спрашивали точно так же много об остальных. Между Рудольфом и Рим было странное напряжение. Руд будто бы стеснялся и даже боялся ее. Помимо того, что это офицер, так еще и его двоюродная сестра - для него это был настоящий повод чувствовать себя неловко. Рим же была в напряжении от того, что ей было все равно на своего брата тогда, когда она его заметила со сцены, хотя сам Рудольф не знал этого.

Разговор и дальше шел в околodружественной атмосфере, пока Софья, которая все время молчала и боялась за свою жизнь, не задала вопрос:

- Как будет проходить операция?

В повозке нависло молчание, и его прервала Рим.

- Буду честной - мы не имеем даже наброска плана и представлений о его исполнении. Последняя актуальная информация была получена еще в обед, а сейчас глубокая ночь. Основная проблема состоит в том, что мы практически ничего не знаем о нашем враге. Ни его скорости передвижения, ни его разума...

В воздухе повисла тишина, которую прервал голос Яна, который все это время только и отвечал на вопросы, не задавая встречных:

- Ну откуда твоей пустой голове знать, что у нас имеются знания о черной плоти.

- Это у меня пустая голова? А у самого-то что?

- У меня-то все на месте, а у тебя... У нас есть примерные данные по скорости передвижения этой черной сопки по воде - около двух километров в час, учитывая ее скорость перемещения по суше.

- Ну вот, очередное доказательство твоей тупоголовости, белакрусики. Сам же еще днем говорил совсем другие цифры, а сейчас откуда-то два километра взялось.

- А может, я умею анализировать данные и распознавать свои ошибки? В отличие от тебя, которая в упор не видит свои же промахи.

- Ой, ошибки у него, видите ли. Что-то ты слишком часто ошибаешься. Ты уверен, что эти твои два километра - точная информация, а не очередная "ашипка", которую ты великодушно признаешь?

- Вообще-то...

Послышался голос Шарлотты, которая наконец-то что-то сказала:

- У нас есть некоторые данные по черной плоти. Несколько недель назад в гиммлеровском храме, недалеко от Килена, проводились некоторые обряды с плотью. Я точно не помню, так как была тогда в алтаре, но оказалось, что плоть, которая находится далеко от... допустим, "матки", не подчиняется ей, а имеет свою автономию. Повторюсь, я не знаю, насколько это истина и насколько хорошо я все слышала, но надеюсь, что это как-то поможет... вам.

Чарли посмотрела в пол, будто в чем-то провинилась.

- Ну молодец, рассказала военную тайну тем, кто не должен этого слышать, - ответил Ян, и следом за ним заговорил Барнс.

- Да ладно тебе, Ян. Эта информация не доказана, так что, думаю, ничего страшного здесь нет, и я надеюсь, что эти прекрасные полицейские не будут ее разглашать...

В очередной раз давящая на всех тишина повисла в воздухе, а Рим и Ян очень нехорошо зыркали друг на друга.

- Вы так сильно ненавидите друг друга, что от этого даже мило, офицеры Ян и Рим, - сказал Вальтер, хотя такое обычно говорила Герда.

Рим куда лучше принимала комплименты от Яна, отчего засмушалась и отшутилась, а Ян что-то промямлил и, скрестив руки, закрыл глаза.

Повозки шли еще несколько часов и прибыли к городу тогда, когда уже начало светать. Сигналы о большой трагедии поступали все сильнее по мере приближения к Данцигу. Сначала это были просто толпы людей, которые шли в противоположном направлении от города, и на их лицах читался ужас, а потом они стали встречать повозки служб. Приближаясь еще ближе, все увидели ужасную картину. В небо из города поднимались облака дыма, а местами он был чересчур черным. Когда стало видно море, все заметили, что оно было практически полностью черным, с зубами и глазами. От этой картины у некоторых началась истерика, которая усилилась тогда, когда они приехали. Город был примерно на четверть заражен черной плотью. Глазам полицейских предстала картина, как черная плоть под своим весом повалила большую колокольню, которая еще до этого гремела...

- Мы... в аду? - спросил кто-то из новобранцев.

Кольт, не поворачиваясь, ответил:

- Это только гиммлеровское чистилище. Ад еще впереди.

Глава 3. Битва за Данциг

Общая картина случившейся ситуации в Данциге была печальной, но не была полностью безысходной, и операция подавала надежды на успех. Главнокомандующим операцией весь Шертхальм единогласно выбрал Барнса, а Рима, Кольта и Яна оставили в качестве полевых командиров, руководящих своими солдатами. Вблизи города был разбит военный лагерь, в котором принималось снабжение с тыла, отдавались приказы Барнса и оказывалась помощь беженцам из города. Сам лагерь представлял собой сделанный на скорую руку палаточный городок, окружённый колючей проволокой и большими колодцами, из которых вырывались языки пламени: по наблюдениям, огонь отпугивал чёрную плоть.

Времени на отдых не было, и, как только появилась возможность составить план военных действий, ею тут же воспользовались. Все представители Шертхальма и Барнс собрались в самом центре лагеря, а их окружили солдаты - здесь не было причин для скрытия военных планов. Альфред, сидя за круглым столом и держа в руке мел красного цвета, осмотрел лица присутствующих и начал:

— Раз уж мы все тут собрались и все готовы, то я начну. Основная проблема состоит в том, что мы не знаем полной картины происходящего в городе, а ресурсов для организации разведки у нас крайне мало.

Барнс осмотрел присутствующих: двадцать полицейских, три полевых командира, у всех малозарядные винтовки и по лошади... Не густо.

Офицер посмотрел на Кольта, который всё это время стоял за его спиной и наблюдал сверху вниз за тем, что тот рисует на плане (пока ничего не нарисовал).

— Кольт, ты не знаешь, когда прибудет та туча пехотинцев с артиллерией и огнемётчики?

— Точную информацию мне не доложили, но я предполагаю, что не раньше, чем через два-три часа. Артиллерия, так как это не человек, должна прибыть раньше.

— М-м... Плохо. С двадцатью человеками провести даже разведку будет очень тяжело. Но и медлить нам нельзя.

Барнс посмотрел в сторону города - вид, который открывался им, не был полностью покрыт чёрной плотью. До этой части города она ещё не добралась, но, если приглядеться вдаль, картина была печальной.

— Ян, — обратился Альфред к Яну. — С какой скоростью распространяется эта мерзость и сколько у нас есть времени, прежде чем эта гадость доберётся до наших лошадей?

— Точно сказать не могу, так как не замеряли данные, но, по моим наблюдениям, самые быстрые куски плоти двигаются к нам со скоростью один километр в час и будут здесь через два с половиной часа.

Барнс замолчал и приставил руки к подбородку, прижав свою бороду к челюсти. Полицейские и командиры ждали, когда он всё-таки огласит свой вердикт.

— Проведём разведку и накроем город артиллерией.

Встав со своего места, он взял мел в руки и начал рисовать на карте макет города, плоть и другие различные обозначения, попутно объясняя:

— Сейчас мы проведём разведку на той территории, на которой сможем. Всего будет две группы по десять солдат в каждой, и где-то будет один, где-то два командира. Бросившись в разные направления, вы должны собрать информацию по строению улиц и, возможно, по самому врагу. Попутно вы будете передавать информацию друг другу, используя сигнальные ракеты... — Барнс достал из-под стола большой ящик, который всё это время нёс с собой. Открыв его, он обнаружил там семь сигнальных пистолетов и немалое количество снарядов к ним. — Каждый отряд возьмёт по три пистолета...

В речь Барнса вклинилась Чарли:

— А что с ещё одним делать будете, Альфред?

— А это мне. Я же буду отдавать приказы, а не просто сидеть тут... Продолжаем. Дадим условное обозначение для каждого выстрела: один выстрел означает, что отряд спокойно продолжает разведку; два выстрела - отряд встретил угрозу; и три, если отряд сворачивает миссию. Я буду отдавать вам приказы тоже с помощью сигнальных ракет. Одна от меня - значит продолжать операцию, две - разрешаю отступить, и после моего двойного выстрела вы должны будете выстрелить один раз тогда, когда окажетесь в безопасности. Всем понятно?

Барнс спросил это и посмотрел на командиров, те одобрительно кивнули.

— После завершения операции надо дожидаться прибытия артиллерии, и тогда... мы полностью накроем город, а огнёмётчики и пехота не будут давать никому и ничему выйти из него.

Эти слова прозвучали для всех как тяжёлый удар: в смысле надо накрывать артиллерией весь город? Первым возразил Кольт:

— План хороший, но зачем накрывать весь город, когда заражена только часть, и что нам делать... с гражданскими?

— У нас нет времени на их эвакуацию. Необходимо провести разведку и накрыть город. Те, кто сможет спастись, спасутся.

После вопроса о гражданских среди полицейских послышались испуганные голоса. Среди них было только двое родом из Данцига - Хуберт и Зигфрид. Хуберт просто впал в ступор от слов об отказе от эвакуации города, а Зигфрид был в состоянии, похожем на что-то среднее между ступором и истерикой. Даже такого огромного и сильного человека сломила новость о том, что его родные погибли, хотя была вся надежда на то, что их спасут. Его, как и Хуберта, принялись утешать не только новобранцы, но и остальные полицейские.

— Простите, Барнс, но вы действуете неправильно. Разведка силами двадцати полицейских не даст никаких больших результатов. Мы сможем изучить только строение улиц, не более; о враге даже с Яном мы ничего не узнаем. Для этого надо вызывать разведку дирижаблями, но их поднимут в воздух только в том случае, если плоть начнёт наступать на Новый Смертоберг. Если и использовать артиллерию, то не для накрытия всего города и убийства гражданских, а для уничтожения наибольшей опасности для пехоты и огнёмётчиков, которая при её поддержке зачистит весь город без больших гражданских потерь. Но и теорию Шарлотты об автономно действующих группах плоти нельзя просто так оставлять. В церкви Гиммлера не глупые люди сидят, стоит хотя бы попробовать. Пожалуйста, Барнс, дайте нам возможность попутно провести разведку и эвакуировать всех, кого сможем.

Барнс замолчал и посмотрел в сторону Рим.

— А ты, деточка, что думаешь?

— Я согласна с планом Кольта. У нас нет ресурсов на организацию хорошей разведки, мы лишь потеряем время, за которое могли бы спасти больше жизней.

Барнс перевёл взгляд на Яна. Пилсудский быстро всё понял и дал свой ответ.

— Накрытие всего города точно остановит плоть, но не факт, что после этого мы и весь Шертхальм будем жить... Вероятно, за это нас казнят, и что будет с миром дальше - непонятно, а если и не казнят, то наша и ваша поддержка в обществе упадёт настолько, что нас закроют. Лучше следовать плану Кольта.

Все ожидали, что Барнс наконец-то огласит свой вердикт, но, неожиданно для всех, он посмотрел в сторону Чарли.

— А ты что думаешь?

— Я? Аэ... Но я же даже не офицер, Альфред Барнс... — растерялась Шарлотта.

— Не офицер, но твоё решение важно для сохранения жизней, да и ты, по всей видимости, ещё много чего сможешь нам рассказать, если мы все не помрём тут же.

— Ну... Тогда я за план... Кольта.

— Ясно...

Барнс вышел из-за стола, посмотрел в сторону города, который освещало ярко-золотым цветом только что вставшее солнце, и дал свой вердикт: "Следуем плану Кольта". Эти слова были как гора с плеч. Хуберт моментально вышел из ступора, а Зигфриду полегчало (от напряжения у него закружилась голова и его даже стошнило).

— Ну, по плану Кольта так по плану Кольта, дети мои. Значит... У нас всего три командира, а группы две. Как будем делить-то вас?

Шарлотта всё это время, с момента получения известия о приближении плоти к берегу, чувствовала себя обузой и всеми силами пыталась доказать свою пользу, подсказывая различные идеи, которые, на удивление, были верны, и в глубине души все трое надеялись, что в момент абсолютного отчаяния она скажет то, что полностью изменит ситуацию. Прямо сейчас и произошёл этот случай.

— А давайте возьмём в качестве глав отрядов полицейских? Здесь же есть ребята из Данцига.

Чарли направила руку в сторону полицейских. Даже сейчас, когда решались и их судьбы, и жизни мирных граждан, Вальтер продолжал сражаться за идею и предложил Хуберту и Зигфриду добровольно выдвинуть свои кандидатуры, пока не начали допытывать. В очередной раз ему приходилось всех уговаривать, но тут Рудольф, который бы точно никогда никому не предложил пойти возглавлять отряд самоубийц, помог Вальтеру уговорить Хуберта и Зигфрида вызваться самим. Главным аргументом, перед которым сдался Зигфрид (Хуберта уговорили достаточно быстро), оказались слова про его родных, которые сейчас находились где-то в городе.

Два новобранца через несколько минут после предложения Чарли сами вышли из толпы напуганных полицейских и предложили себя в качестве навигаторов по городу, и их тут же приняли. Приняв их, Барнс продолжил распределять командиров по отрядам. Он предложил пойти Яну и Рим вместе, поскольку Кольт опытнее Рим, и будет куда лучше, если Ян поможет ей. Но даже тут Харнер начала упрямиться, называя Яна тупым ослом. Барнс бы закрыл на это глаза, поскольку сейчас было не место для выяснения отношений, но сам Кольт предложил включить Яна в его отряд, так как, несмотря на опасное задание, те продолжали бы вести себя как кошка с собакой. Но и оставлять Рим в одиночку было не вариантом: среди их троих она была самой слабой, однако она же и придумала решение этой проблемы - выдать в её отряд наиболее знающего город полицейского, им оказался Зигфрид.

Все приготовления были сделаны, и осталось только начать операцию... Никто не мог успокоиться. Многие плакали, кто-то делал всё так, будто вот-вот упадёт. Моральный дух был на нуле. Но удивительно: Рудольф, Зигфрид и некоторые другие полицейские, которые были здесь из-за высоких зарплат и безопасности, будто бы начали менять свои взгляды. Зигфрид, который первым впал в истерику, сейчас был заряжен, он был готов сделать всё, чтобы спасти своих родственников. А с Рудольфом происходило что-то непонятное. Просто в один миг он перестал заботиться о своей безопасности, и произошло это после слов Шарлотты о том, что нужно найти тех, кто знает город. Это заметил Вальтер. Было бы странно, если бы он не заметил этого. Отряды были полностью собраны, все сидели на лошадях и с мёртвыми лицами ждали приказа. В момент ожидания Вальтер поинтересовался у Рудольфа, что же случилось, почему тот стал более "активным".

— Слушай, ишак, почему ты как-то резко начал следовать приказам командующих и даже как-то с рвением их выполнять, а не прятаться где-то в надежде, что пронесёт? — с шутливостью спрашивал Вальтер у своего друга, ожидая услышать ответ, что тот переволновался. Вальтер также волновался, и юмор был частью его самоутешения.

Рудольф даже вёл себя странно: он смотрел на свои ладони либо в одну точку, но всё-таки ответил:

— Честно, я бы и дальше стоял где-то в глубине этой толпы и не высовывался, но, услышав слова о поисках знатока города от этой девки, мне будто что-то приказало.

— Приказало?

— Да. Приказало. Просто бац - и всё, у меня желание выполнить этот приказ.

Это было действительно странно. Ещё во время обучения он пытался найти способ, чтобы поспать на паре, а сейчас - приказ.

— А может, ты перенервничал?

— Думаю, что да.

Рудольф начал понимать, что, скорее всего, просто перенервничал, и, как Вальтер, начал сводить всё в шутку.

— Ну, хотя бы не обосрался.

— Ну и то хорошо, — ответил Вальтер, всё ещё чувствуя напряжение от странного поступка своего друга.

Отряды были разделены по десять человек. В отряде под руководством Рим были все новобранцы, не сбежавшие ещё ночью (и другие полицейские): Рудольф, Вальтер, Зигфрид (в роли направляющего), Герда, Дайон и София. Хуберт же был в отряде с остальными, Яном и Кольтом. Они стояли в нескольких десятках метров от первых зданий, с которых начинался город. Несмотря на то, что угроза появилась только несколько часов назад и даже не дошла до этого места, дома выглядели так, будто их штурмовала пехота, - это был результат паники и начавшегося в городе мародёрства. Строй замолчал, когда послышались шаги Барнса. Никто не смотрел на него, будто это было запрещено, все только слышали стук его обуви о землю и посмотрели в его сторону лишь тогда, когда он встал в самом начале строя. Он ничего не говорил: никакой горячей речи, только тихое "Вернитесь живыми", и он выстрелил в небо из сигнальной ракетницы, затем крикнув: "Начать операцию по спасению Данцига!" Лошади рванули с места под клич военных. Они бежали за командирами, которые, в свою очередь, следовали указаниям Хуберта и Зигфрида.

Пока все лошади бежали ещё вместе, и до их разделения оставалось несколько десятков метров. Рим подбежала к Кольту и спросила о его действиях, дабы спланировать уже свои: "Сейчас мы с Яном соберём информацию по расположению врага, а затем начнём эвакуацию населения". До перекрёстка оставалось несколько метров, и лошади начали перестраиваться. Кольт не договорил - не было времени, чтобы договорить. Когда лошадь Рим начала отдаляться, он крикнув: "Не геройствуй, избегай встречи с врагом!" За несколько секунд лошади полностью перестроились, и отряды зашли за здания, потеряв друг друга из поля зрения. "Полицейские, сейчас надо определить, насколько близок враг, а потом эвакуируем гражданских. Как там тебя..." — Рим обратилась к Зигфриду, но даже не знала его имени. "Зигфрид", — раздался мужской голос. Его лошадь приблизилась к ней и немного перегнала, дабы вести за собой всех остальных.

— Веди строй просто к центру города, а потом к больнице! — крикнула Рим и не получила ответа. Не нужно быть знатоком города, дабы понять, в каком направлении идти, чтобы попасть в центр. То, что строй идёт странно, заметил сначала Дайон, идущий в конце строя, и выкрикнул вопрос, который поставил Зигфрида в замешательство:

— Зиг, а где живут твои родители в городе?

Зигфрид обернулся, посмотрел в сторону Дайона, потом снова начал смотреть на дорогу и коротко ответил:

— Здесь.

То, что Зигфрид послушался приказа и бежит к своему дому, поняли все остальные. Лошадь Вальтера выбилась в самое начало строя, к лошади Зигфрида, и скакала на одном уровне с ним. Рим, понимая, что он ведёт их неизвестно куда, сорвалась и начала сыпать угрозами:

— Придурок, это был приказ - веди в центр города!

Зигфрид не реагировал.

— Я застрелю тебя тут же, если ты продолжишь вести нас хрен знает куда!

Зигфрид всё так же не реагировал, и тут уже Вальтер начал пытаться его как-то уговорить:

— Зиг, прошу тебя, следуй приказу! Мы не знаем, насколько всё плохо, ты просто заведёшь себя в ловушку!

— Да пожалуйста, не вам же умирать!

— Не нам, но как отреагируют твои родители, которых мы эвакуируем, а ты окажешься мёртвым?

Зигфрид замолчал, а Вальтер смотрел прямо на него, а потом на Рим, как бы заранее прося о том, о чём сейчас попросит:

— Прошу, дожись, пока Кольт и Ян не дадут знак или мы сами не заметим плоть, так будет безопаснее и тебе, и нам! Рим, пожалуйста, разреши ему отделиться от строя после получения знака от Кольта.

Рим закатила глаза и цокнула, но дала свой ответ:

— Лааадно.

Она начала перестраиваться, подойдя к Вальтеру. До этого между ними был Зигфрид. Вальтер сразу понял, что она сейчас что-то прикажет ему.

— Ты же Вальтер, так?

— Да.

— После получения сигнала или пока мы сами не найдём врага, ты с тремя другими полицейскими побежишь с этим придурком, возглавишь новый строй, а я с оставшимися начну поиски и эвакуацию людей.

— Я?

— Ну а кто ж ещё, емае?!

— Но...

— Это приказ!

— ...Вас понял.

Вальтер замедлил ход и встал почти на один уровень с идущими сзади полицейскими.

— Рудольф, София и Герда, вы побегите со мной и Зигфридом, как получим приказ от Кольта с Яном.

От перенапряжения Вальтера просто трясло. Вместо испуга он испытывал некое вдохновение: "Мы поможем городу!" - кричало что-то в его голове. На его указание, кто с ним пойдёт, никто, даже Рудольф, ничего не сказал; все начали перестраиваться ближе к Вальтеру, дабы, как только получат сигнал, тут же рвануть за ним. Зигфрид всё-таки согласился на условия Вальтера и сменил курс: они бежали строго в центр города до момента, пока Рудольф не увидел справа от них будто красную звезду, поднимающуюся на утреннем небе, а затем там же появилась ещё одна. "Два сигнала! Они нашли врага!" — крикнул Рудольф и приблизился к Вальтеру, готовясь оторваться от строя Рим. Она молчала и только что-то замеряла, выставив пальцы вперёд. Зигфрид всё-таки не действовал полностью самостоятельно и ждал приказа Харнер. "Вальтер, бери на себя командование!" — послышался заветный приказ, и строй начал перестраиваться, а лошадь Зигфрида начала удаляться в сторону, а за ней - Вальтер и остальные.

Строй почти перестроился, как все почувствовали, что земля под ними задрожала, и они услышали звук быстрых и тяжёлых шагов, приближающихся к ним. Почему-то они замедлились и начали останавливаться, как вдруг большое здание сбоку с грохотом, летящими обломками и пылью раскололось на части, и из него выбежало огромное четырёхногое существо, покрытое чёрной плотью, с невероятно длинной пастью. Оно было на глаз метров пять, не меньше, и внешне напоминало корову или быка, но из-за длинной пасти образ размывался.

Обломок здания полетел в лошадь Софии, сбив её с ног. Само София упала на землю, а лошадь, у которой выдавило кишки обломком через рот, запертво упала и придавила девушку. Существо пронеслось и схватило огромной пастью лошадь Герды и Дайона вместе с ними, перекусив животных надвое, а они вдвоём остались у него в пасти и кричали, но были живы.

— Открыть огонь! — командовала Рим остановившемуся строю.

В том числе отряд Вальтера и Зигфрид немедленно достали винтовки и открыли огонь по огромному существу, убегающему с добычей и сносящему здания. В него было выпущено несколько обойм, а оно даже не шелохнулось, и только несколько шмотков чёрной плоти было оторвано. Огонь вёлся до тех пор, пока существо не скрылось за зданием. Рим, не медля, достала ракетницу и выстрелила в воздух один раз, затем второй и хотела сделать третий залп, который означал желание отряда закончить операцию. Но её остановил Рудольф, который успел подскочить на лошади и схватиться за ракетницу.

— Ты что творишь?! — кричала Рим под стоны Софии, которая была жива, но получила серьёзные травмы. На её спасение бросились все остальные и быстро достали её из-под раздавленного трупа лошади. Она была живой, но получила травмы нижней части тела: по всей видимости, её раздавило часть органов, мышц и костей.

— Рим, мы не можем просто взять и окончить операцию, нам необходимо добраться до отряда Кольта и Яна и уже вместе с ними спланировать наш план действий.

— Это ещё почему?! У нас два трупа и один раненый, так ещё и какая-то хрень огромная здесь бегает! Операция провалилась, у нас крайне мало данных о противнике, и её надо сворачивать, пока нас всех не перебили.

— Так поэтому нам надо и найти Кольта с Яном, которые более опытные, и со знаниями Яна мы найдём наиболее безопасный вариант.

— Господи, ты хоть раз меня слушаешь?!

Закричала Рим, бросив винтовку на землю. Смысл её слов был непонятен, но Рудольф неожиданно вспомнил, что виделся с Рим ещё в детстве. Перед ним предстало воспоминание, как, будучи ребёнком, под её присмотром находился он. Хотя это было всего лишь воспоминание, этого было достаточно, чтобы Рудольф замолчал и стоял с непонимающим взглядом. Рим уже собиралась выстрелить, как её прервал Вальтер:

— Мне дадут выполнять свои обязанности или нет?! Рим, Рудольф говорит правду, лучше найти Кольта и Яна. Сейчас, если мы оставим город, то тебя повесят, и мы не сможем найти тела Герды и Дайона.

— Да я в лесу прятаться буду, чем оставляю здесь умирать всех остальных! Что ты мне указываешь вообще? Я могу тебя застрелить за дезертирство, и Барнс уже не спасёт никого.

— Харнер, если тебе так важны жизни солдат, то если Барнс одобрит нашу просьбу о прекращении операции, не факт, что мы сможем добраться до него без Кольта и Яна.

Неожиданно для всех и особенно для Вальтера Зигфрид вступился за него и Рудольфа, спешившись с лошади и подойдя к Рим, начав тыкать в неё пальцем. Возможно, она испугалась, что Зигфрид, который весил раза в два больше неё, что-то сделает с ней, или она одумалась, но она всё-таки согласилась на продолжение операции. Софию, потерявшую сознание, посадили на лошадь Вальтера, и его отряд наконец продолжил движение. Хоть он и был под его командованием, вместе с ним бежал и отряд Харнер. Ей не хотелось оставаться там, где только что нечто убило двоих, ранило одного и сбежало, проломив несколько зданий.

Отряды скакали недалеко друг от друга, и спустя несколько минут отряд Рим по её команде остановился и спешился, а Вальтер продолжил движение. На ногах стояли только он, Рудольф и Зигфрид, хотя с ними должна была быть Герда, а София сидела на лошади без сознания, упёршись лицом в спину Вальтера. Отъехав на несколько метров, Софию стошнило кровью на зелёный плащ-маскхалат Вальтера, запачкав её белые средней длины волосы, но

Вальтер никак не отреагировал на это и продолжил скакать за Зигфридом, который это тоже заметил.

— У-у, не думаю, что ты так себе встречу с девушкой представлял.

— Ага, — коротко ответил Вальтер, которого интересовал другой вопрос. — Почему ты вступился за меня и сейчас ведёшь нас не к своему дому... а в центр, как говорила Рим?

— С чего ты взял, что я веду нас не к дому?

— Так ты сначала вёл нас куда-то влево, а после нападения той бабайки развернулся и повёл нас вглубь города, — раздался голос Рудольфа.

— А я тебя не спрашивал! — недовольно крикнул Зигфрид. — Но ты прав. Мы скачем в центр, как нам приказала Рим. Да честно, я вообще не знаю, почему решил за тебя вступить. Может, я перенервничал, а может, ещё что-то, хрен его знает. Были бы мы сейчас в казарме и был бы какой-то спор, я бы фиг за тебя вступился, по голове настучал бы, да и всё, ха-ха.

Зигфрид замолчал и задумался, что как-то не очень сейчас вышло, и перевёл диалог в другое русло:

— И какие наши дальнейшие действия?

— Сейчас надо найти Кольта и Яна, там помочь Софии получше, чем просто перебинтованные раны её же одеждой.

Девушке оказали первую помощь, но она оставляла желать лучшего: раны не были обработаны, перевязаны обрывками её рукавов. Лошадей, которые перевозили припасы, перекусило то существо. Об этой трагедии резко вспомнили они втроём.

— Герда, Дайон... — тихо сказал Рудольф. — Что же мы делать будем без вас?

Хуже всех от смерти их двоих было Рудольфу. Он общался со всеми лучше и больше всех, поэтому неожиданно, что он так отреагировал. Никто не посмел ему ничего сказать, все понимали, как ему тяжело. Даже Зигфрид едва сдерживался, вспоминая, какую ласку проявляла к нему Герда и какую помощь оказывал Дайон.

— Помню... как два года назад Герда сказала, что ей будет куда обиднее от нашей потери, чем если она потеряет своих родителей, и что быть в кругу друзей для неё - лучшее, что есть, — вспоминал минувшие годы Вальтер.

Тогда они даже не ожидали, с чем им придётся столкнуться по выпуске из кадетского училища. Все молчали и пролистывали в своей памяти лучшие воспоминания.

Улица, по которой они бежали, была прямой, а по бокам стояли кирпичные и деревянные здания. Даже отъехав на сотню метров, если обернуться, был виден отряд Рим, который осматривал дома и звал живых гражданских. Но что-то подсказывало им всем, что в живых никого не осталось.

Обернувшись в очередной раз, Вальтер не заметил никаких отличий - отряд Рим всё так же осматривался и искал живых, но тут он услышал странный свист в небе. Обратившись к напарникам, те подтвердили, что тоже его слышат, и решили остановиться, зайдя за угол с лошадьми. Предчувствуя что-то плохое, Вальтер привязал раненую Софию к спине, положив её на палки, дабы её тело не слишком сильно мешало передвижению. После вопроса Рудольфа о том, через сколько, по словам Кольта, прибудет артиллерия, до всех дошло: начался обстрел! "Барнс, ты придурок конченный!" — завопили новобранцы и упали на землю. Потом сверкнула яркая вспышка, и началась невероятная тряска. Некоторые кирпичи вылетали из зданий, чуть не задевая их, а лошади от испуга убежали прочь. Затем, по всей видимости, пошла ударная волна, которая выбила стёкла, а лошади, которые выбежали из-за угла, подлетели в воздух от ударной волны. Ещё несколько секунд - и всё прекратилось. Открыв глаза, они увидели несколько кирпичей, упавших рядом с ними, а выглянув из-за угла, сначала увидели огромный след от крови лошадей. Подняв головы, они ужаснулись: на высоту около двухсот метров поднялся гриб, который образуется при больших взрывах. Но в нём было что-то странное... Он был слишком чёрным. Сам по себе гриб от взрыва чёрный, но этот был чересчур чёрным.

— А вам не кажется, что он какой-то слишком чёрный и что разрушения от нескольких снарядов артиллерии слишком большие? — испуганным голосом говорил Рудольф.

— Д-да... Это слишком... — ответил Зигфрид.

— Может, они уничтожили, как говорила Шарлотта, вот этот "центр" плоти, и он так взорвался? — Вальтеру было страшно, очень, но его интерес к чёрной плоти и желание спасти всех, кого можно, оказались сильнее страха, и вместо испуга он испытал научный интерес.

— Стоп, а что с остальными?! Отряд Рим же был на открытой местности, и что с Барнсом, Кольтом и Яном?! — неожиданно понял это Рудольф и заметался по сторонам, но потом он вышел к той части улицы, которая открывала обзор на её другой конец.

Там, где был отряд Рим, теперь лежали руины упавшего от ударной волны здания. Под этими руинами даже с большого расстояния Рудольф увидел растекшуюся кровь и раскиданные трупы лошадей.

— Нет! — истошно закричал Рудольф, надрывая голос.

Он хотел броситься бежать к руинам, но его остановили, схватив за руки, Вальтер и Зигфрид и усадив на землю, покрытую пылью и кровью.

— Эй, что с тобой? — Зигфрид начал давать ему лёгкие пощёчины, приводя в чувство.

Он, несмотря на то, что его держали два человека, всё пытался вырваться и буквально рыдал. Скорее всего, он испытывал большую связь с Рим, хотя до этого он с ней почти не общался, и картина, которую он увидел, нанесла огромный урон по его состоянию. Этого же мнения придерживался и Вальтер.

Картина, которая окружала их, не могла не пугать. Разрушения, кровь и подозрительная тишина, которая давила на психику... Все они понимали, что Рим, Барнс, Кольт, Ян и все остальные, скорее всего, уже мертвы, и они единственные, кто остался в живых. Но надежда умирает последней, и Вальтер попросил у Зигфрида сигнальную ракетницу, которая была у него ещё с самого начала, как его зачислили в ведущие. Тот понял, что собирается сделать Вальтер, и дал ему пистолет, а сам схватил Рудольфа за обе руки, так как Вальтер отпустил его. Выстрел. Красная ракета полетела вверх, указав их местоположение и дав сигнал тем, кто ещё жив. Плотная застройка, в которой они находились, не дала им нормально пронаблюдать за тем, получают ли они ответ. Но с каждой секундой их наблюдения надежда угасала. Ни со стороны Рим, ни со стороны Барнса (с его стороны они бы увидели очень легко), ни со стороны Кольта и Яна не было ответа. Вывод: все мертвы, и они остались одни. В этой ситуации многие бы, возможно, просто застрелились, но не они. Под действием адреналина и с пониманием, что на них лежит, как минимум, жизнь Софии, которая ещё может жить, те не стали выпускать в свой мозг по пуле, а приняли решение - выбраться из города.

Они пошли туда, где несколько минут назад был отряд Рим, так как через тот путь было быстрее покинуть город и они могли убедиться в том, есть ли там живые. Но Вальтер заметил что-то странное, когда поправлял импровизированные носилки из дерева на своей спине. Он заметил что-то красное справа и, присмотревшись, увидел след от угасающей сигнальной ракеты! Они не единственные выжившие! От осознания этой новости даже Рудольф, который продолжал истерить, успокоился и улыбнулся. Вытерев испачканным рукавом слёзы и поправив шлем, он сам скомандовал идти туда.

Снова ситуация менялась так, что, будь здесь бессмертный посторонний, он бы уже запутался. Кажется, что хуже быть не может, и все трое думали, что взрыв уничтожил и чёрную плоть, но, когда они заходили в переулок, в нос ударил резкий запах крови или срезанного ногтя, который усиливался. Они примерно понимали, что сейчас им придётся встретиться с чем-то очень страшным, и не прогадали: из-за угла вышло существо, которое когда-то было человеком. Чёрная плоть полностью поглотила его, и, по всей видимости, человек пытался отбиваться от неё, а та вырвала его челюсть и разорвала грудь в фарш. Торчали рёбра, на которых висели чёрные ошметки плоти, а внутри были видны раздавленные лёгкие и ещё рабо-

тающее сердце, которое от каждого удара выплескивало из клапанов небольшие капли чёрной жидкости. Страх не было, адреналин всё перекрывал, сейчас на его месте было некое любопытство. Зигфрид, Вальтер и Рудольф интересовались одним вопросом: "Как оно вообще живёт?" Они бы пришли в себя только тогда, когда оно подошло к ним слишком быстро и навредило бы им, но Вальтер, стоящий ближе всего к нему, очнулся раньше всех и на автомате, сжав кулак, разбил ему голову мощным ударом. Голова разлетелась как яйцо, и ошмётки плоти полетели на стену, но оно не было мёртвым и лежало на земле, пытаясь ощупать ближайшие предметы. Уже прикладом от винтовки и ногами он давил существо. "Оно не человек. Было бы человеком, оно бы уже сдохло или крикнуло", — руководствовался Вальтер, пока давил существо. В это же время в себя пришли все остальные, которые оттянули его от существа, которое он добивал уже кулаками.

— Ты что, совсем долбанулся?! — кричал Зигфрид, таща за волосы Вальтера. — Мы же ничего не знаем о них, вдруг оно бы что-то сотворило?

Он дернул Вальтера за волосы и хотел бросить его в стену, чтобы тот наконец-то пришёл в себя, но его остановил Рудольф, указав пальцем на Софию, которая была на спине полицейского. Зигфрид посмотрел на свою руку, будто осознавая, что этой же рукой он мог только что прикончить девушку.

— Вальтер! Очнись! — начал тормозить его Рудольф.

Вальтер был в осязном состоянии и просто наблюдал за тем, что творят его напарники.

— Да я тут, тут! Успокойся, — он вырвался из его хватки и отошёл на шаг назад, поправляя свой шлем. — Я не знаю... Просто что-то в голове скомандовало: "Бей".

— Ой, всё, у нас мало времени, потом начнёшь со своей шизофренией разговаривать. Наверняка сейчас сюда прибудет орда этих упырей, идём! — прорычал Зигфрид и пошёл вперёд, не обращая внимания на Рудольфа и Вальтера.

Рудольф поправил съехавшие носилки на спине друга, и те уже ускоренным шагом пошли за Зигфридом. После этого запах крови только усилился, прожигая глаза и не давая понять, насколько близко упыри, так как запах везде одинаковый. Очередное нападение на них произошло, когда они проходили мимо двух зданий. Упирь, скрывшись у стенки в тени, дождался, когда пройдут Рудольф и Зигфрид, и напал на Вальтера. В отличие от прошлого раза, друзья успели среагировать и достать винтовки, но это не понадобилось. Вальтер вновь размахнулся своим кулаком и заметил странность - его правый кулак, которым он избивал прошлого упыря, был наполовину покрыт чёрной плотью, особенно в области костяшек. Но времени думать не было, и Вальтер уже размахнулся, буквально отделив верхнюю часть тела от нижней всего лишь одним ударом. Части упыря продолжали двигаться, но это уже никого не волновало. Все подбежали к Вальтеру, который чуть ли не крича пытался убрать чёрную плоть с руки. Рудольф пытался ему помочь, но удары будто ничего не делали ей, и Зигфрид, не долго думая, достал из пояса Вальтера сигнальный пистолет и выстрелил прямо в сгусток плоти. С выделением огромного облака дыма она пропала, а рука Вальтера была полностью целой - без ожогов и следов от ударов. Такой ужас пережить было достаточно трудно, но сейчас голова думала очень быстро, и не было мыслей по типу "как мне плохо", было только - "умри или беги". Как и Зигфрид, он понимал, что сейчас сюда сбегутся упыри, и, несмотря на груз, пошагал быстрее Зигфрида. Рудольф и Зигфрид не понимали, что с ним происходит; сначала можно было списать на такую реакцию организма, но сейчас было что-то странное. Одним ударом он отделил низ от верха, а плоть на его руке появилась так незаметно и неожиданно и так же не оставила никаких следов. Они шептались между собой, пока он шёл впереди.

Все поняли, что возможности уничтожить упыря, как было пару минут назад, сейчас не будет. На расстоянии нескольких метров от них они слышали страшный вой или даже "сигнал". Будто сирена на секунду включается и выключается, включается и выключается. "Идём

быстрее", — командовал уже сидящий на иглах Рудольф, как из-за очередного угла вышел упырь. Но не человеческий, а похожий на того, что убил Дайона, Герду и ранил Софию. Но он был куда меньше - ростом с очень большую собаку, но куда опаснее. Общие черты собаки сохранялись, но был очень длинный хвост и огромный толстый череп с небольшими отростками, по всей видимости, для тарана. Сражаться против такого без должной подготовки, брони и оружия - самоубийство, поэтому они рванули прочь, а существо - за ними. Зигфрид бежал впереди, всё ещё держа курс туда, где был сигнал. Следом за ним бежал Рудольф, и самым последним - Вальтер, который из-за груза не мог их догнать, и существо наступало ему на пятки. Зигфрид запрыгнул на груды кирпичей, которая упала со здания при ударной волне, а затем на небольшую постройку и с неё - на обычное здание. Такому же примеру последовал Рудольф. Но он не стал убегать, как Зигфрид, а остался ждать Вальтера, за которым гналось существо. Чтобы хоть как-то выиграть время, он бежал зигзагами, и упыря заносило, он несколько раз ударялся о стены и замедлялся. Заметив, что Рудольф не бежит, а ждёт Вальтера, Зигфрид подбежал к нему, увидел бегущего Вальтера и крикнул ему: "Бросай её, она всё равно не жилец!" Вальтер молчал. Следом за ним подобное крикнул и Рудольф, желая спасти друга: "Вальтер, брось Софию, ей раздавило органы и кости, ей уже ничего не поможет!", но он бежал и смог оторваться сильнее после очередного зигзага между проходами, в который занесло монстра. Он выиграл время и добежал до Рудольфа, который протянул ему руку и помог взобраться. Времени на передышку не было, и они продолжили бежать уже по крышам, перепрыгивая выступы (а Вальтер осторожно ступал) и пробегая по доскам. Но тут улицу разделяла узкая дорога, и перепрыгнуть на соседнее здание не составило труда, но не Вальтеру из-за груза. Он хотел найти какую-то доску, чтобы создать импровизированный мост, но, обернувшись, увидел того самого монстра, который всё ещё гнался за ними. Его заметили и остальные, уже умоляя его бросить Софию. Но его принципы оказались сильнее инстинкта самосохранения. Вальтер всё же прыгнул, но из-за слабого разгона не долетел до крыши и влетел в окно, разбив его и попав в помещение, а существо прекратило погоню. Вальтер услышал до боли знакомое: "А мы думали, ты сдох", и, подняв голову, увидел Яна, который сидел с Кольтом, несколькими полицейскими и десятью гражданскими, запертыми в одной тёмной комнате. "Чего?" — подумал Вальтер, осматривая лица всех присутствующих, не имея сил встать из-за удара от падения и груза сверху. Следом за ним через выбитое стекло в комнату запрыгнули Рудольф и Зигфрид, которые удивились не меньше остальных.

Кольт помог Вальтеру встать, а Рудольф снял носилки с Софией и положил её на пол. Комната была очень просторной, по всей видимости, это был зал. Стены были увешаны портретами проповедников Гиммлера, а над большим камином висел портрет самого Гиммлера. Новобожие Гиммлера - ведущая религия в мире на состояние 519 года. После первого удара, когда крестоносцы напали на Иерусалим в 1099 году прошлой эры, по миру прошла ударная волна, уничтожив ряд городов и предав огню всё, что имело связь с религией. Из-за этого загорелись деревни и города, а мир погрузился в хаос. Последний огонь потух спустя три месяца, и остатки человечества начали борьбу за выживание. Помимо других людей, которые из-за первобытного голода начали есть друг друга, угрозой стали появившиеся из ниоткуда огромные черви-кровососы и другие, невиданные ранее миру животные, которые к 519 году практически полностью вытеснили экосистему до первого удара. Но даже в таком хаосе нашёлся луч надежды - на руинах Священной Римской Империи появилась Великая Германия Гиммлера Нового Света под руководством Гиммлера, который спустя несколько лет отправился в уничтоженный Иерусалим, став новым богом и начав второй удар, который принёс в мир чёрный шторм, лёгкие земли, дышащую плоть и, позже, чёрную плоть...

Все трое осматривали помещение, в котором они находились. Софии оказал помощь один из гражданских, который был местным врачом. Внимание Рудольфа привлекла забаррикадированная сервантом дверь. Показав на неё пальцем, он спросил у командующих, почему

они тут заперлись, хотя он уже всё прекрасно понял. Его слова дополнил Вальтер, интересуясь, что произошло, и им ответил Кольт:

— Когда строи разделились, Хуберт повёл нас в самый центр города, и буквально через несколько минут что-то огромное, похожее на быка, проломив несколько зданий... раздавило Хуберта. Просто ступило на него и убежало прочь, тогда мы и выстрелили два раза.

Кольт замолчал, ожидая их реакции, зная, что он был их другом. Прождав несколько секунд, он поднял с пола небольшой окровавленный свёрток газеты и передал его Рудольфу, который стоял ближе всех. Вальтер встал напротив него, а Зигфрид всё ещё стоял у разбитого окна, но смотрел за его действиями. Слова Кольта прозвучали как гром среди ясного неба, и они смотрели на свёрток мёртвым взглядом под крик ворон, которых ещё не поглотил поглощающий рой. Несколько секунд оцепенения, и Рудольф вскрыл свёрток. Вместо останков друга там был кровавый раздавленный шлем, у которого, к удивлению, не сломался пикельхауб, а только помялся.

— Мы решили продолжить операцию, но уже просто эвакуировать всех тех, кого сможем, — продолжил Ян, смотря на Кольта, который ждал реакции новобранцев. — Как будто нам не хватало смерти ведущего, прибыла артиллерия и началась такая бомбёжка, что наших лошадей и практически весь личный состав унесло куда-то в сторону. Мы, благо, зашли за здание, чёртов Барнс. А потом... тишина. Мы пытались покинуть город, но встретили вот этих. — Ян указал на семерых гражданских, сидевших на полу в другой части помещения. — А потом такое началось... Я несколько лет воевал с поляками против Орды, и если она брала под свой контроль живых существ, то они не могли передвигаться там, где не было этой биомассы, а здесь бегали как опытные бойцы. Мы едва забежали сюда и забаррикадировались. Сейчас этажом ниже кишит эта фауна.

Ян закончил и посмотрел на всё ещё смотрящих на шлем Хуберта Рудольфа и Вальтера. "Не, вы издеваетесь?" Он встал со своего места и начал подходить к ним, но его остановил Зигфрид, начав рассказ своей истории:

— Мы тоже видели эту огромную мымру. Она проломилась здание и утянула с собой Герду и Дайона, вот прям челюстью схватила и убежала, а София... Обломок здания повалил лошадь, которая уже упала на неё. Рим хотела начать эвакуацию, но мы уговорили её найти вас. Она приказала мне и им идти отдельно, пока они эвакуируют гражданских, как началась бомбёжка. Лошадей убило ударной волной, а Рим и её людей, наверное, тоже...

Кольт, который всё это время смотрел на Рудольфа и Вальтера, бросил взгляд на Зигфрида после слов о смерти Рим.

— Рим мертва... — тихо протянул Ян, а в его голосе читалось облегчение и одновременно грусть.

— Потом мы выстрелили из ракетницы и получили сигнал от вас. — Зигфрид остановился, осознавая, что, может, они видели сигнал не от них. Он посмотрел на Яна, который одобритительно кивнул, подтвердив то, что это были они. — Ну и дальше началось всё то, что было и с вами, вот так мы и оказались тут.

Вальтер и Рудольф к концу речи успели прийти в себя, и Яну не пришлось это делать самостоятельно. Удар от смерти Хуберта оказался сильнее, чем от гибели Герды и Дайона, но желание выбраться отсюда оказалось сильнее апатии. Первым же, кто задал вопрос о том, как они будут выбираться, спросил Вальтер, и ему ответил Кольт:

— Идти на штурм и прорыв сейчас равно самоубийству, но и выбраться самостоятельно мы не можем. Все гражданские здесь - это инвалиды и старики, они не смогут убежать в случае опасности.

— Поэтому нам стоит просто дожидаться прибытия пехоты и огнемётчиков, — добавил Ян.

Кольт посмотрел на него, будто желая возразить, но и лучшего плана не было.

— Да, дожидаться пехоту сейчас безопаснее всего.

— И мы что, даже не попытаемся выбраться отсюда?

— Если и попытаемся, то не сможем сбежать.

— А почему вы так уверены, что пехота прибудет, а не развернётся и уйдёт, увидев, что город полностью опустел?

— У тебя есть план получше? Тогда предлагай, — возразил Вальтеру Ян.

— Нет.

— Вот и молчи и жди помощи, а если что, то сдохнем вот здесь.

Плана у Вальтера реально не было, но ждать неизвестно чего он не собирался. Кольта тоже не радовала перспектива сидеть тут и умереть с голода, и по нему было видно, что тот пытается придумать какой-то план. Ян это тоже понимал, но ничего не делал - просто лежал на голом полу, задрав ноги, а Рудольф и Зигфрид помогали врачу спасать Софию, у которой, как оказалось, не было большой потери крови, но сломано несколько костей и частями передавлены органы (почки, кишечник). С начала операции прошло не больше получаса, а потери для Шертхальма и Вегиммии такие, как при тяжёлой и затяжной войне.

Прошёл час, затем два, а помощи всё нет и нет. Если буквально в первые минуты после начала операции прибыла артиллерия и разбомбила город, то солдаты должны были прибыть ещё быстрее, но их не оказалось, и это означало одно - помощи не будет, и если ничего не предпринять, то они умрут все от истощения. За эти два часа у Рудольфа и Яна были мысли о самоубийстве, но груз вины, который они унесли с собой за смерть гражданских, не дал им это сделать.

— У меня есть план... — слышались заветные слова. Это говорил Вальтер, который сидел прямо посреди комнаты и зачем-то изучал дощатый пол. — Смотрите. — Он подозвал всех военных к себе, и они немедленно подбежали к нему, цепляясь за любую надежду на выживание. — Черти снизу знают, что мы здесь, и пойти на штурм первого этажа будет глупо, поэтому я предлагаю так. Мы вскроем несколько досок пола и подзовём монстров сюда, а потом откроем по ним огонь из оставшихся патронов. Это вряд ли их убьёт, но замедлит или ослепит. Затем несколько человек сбросят этот сервант вниз по лестнице, который собьёт и раздавит всех, кто стоит на ней, и не даст взобраться по ней тем, кто на первом этаже. Несколько человек, а может, один, останется здесь и будет стрелять отсюда по ним, пока остальные, прячась за сброшенным сервантом, будут отстреливать оставшихся.

— Надёжный как французские часы, — с иронией сказал Ян.

— Ян, а у тебя есть другой план? Помощи уже точно не дожидаться, — в ответ на иронию Яна спросил Кольт, который уже не мог находиться в этом помещении. Ему план показался хорошим. Во всяком случае, лучшим, чем пытаться бежать со стариками по крыше.

— Откуда он у меня может быть, если этих существ пули не берут? Вальтер, на что ты надеешься?

— У нас нет других вариантов... Да и как вы говорили раньше, они передвигались только по земле, покрытой плотью, а сейчас они свободно перемещаются по всем поверхностям. Возможно, в этом случае их регенеративные способности меньше.

— К тому же мы стреляли по той огромной херне, и от неё кусками отваливалась плоть, причём такими здоровыми, с кулак минимум. — Зигфрид вспомнил момент атаки огромного монстра и в конце выдвинул свой кулак вверх для сравнения. — А ещё Вальтеру удалось раздавить этих упырей. Мы когда шли к вам, встретили двоих, и он голыми руками разорвал двоих.

Знания Яна о плоти были большими, но не настолько, чтобы знать про них всё, поэтому он перестал перечить плану Вальтера. Вальтер хотел добавить, что тогда плоть прилипла к нему и не нанесла урона, а будто бы, наоборот, помогла разнести того монстра, но промолчал.

Кольт выслушал Вальтера и начал раздумывать о его успешности. Убедившись, что пол здесь - просто доски и сервант можно будет скатить вниз благодаря ножкам, он отдал приказ

о начале выполнения плана и скомандовал Вальтеру, чтобы во второй части плана он сидел на втором этаже и отстреливал монстров здесь. Шесть военных (Рудольф, Вальтер, Кольт, Ян, Зигфрид и ещё один полицейский из отряда Кольта) начали сбивать гвозди с досок, а затем, используя винтовки как рычаг, демонтировали две доски. Свет в комнату ниже полностью не поступал, но запах крови ощущался после срыва доски прекрасно, а также были слышны шаги тех, кто скрывался на этаже ниже. Полицейские высунули в дыру свои винтовки, встав кругом, и ждали приказа Вальтера. С каждой секундой шаги было слышно всё лучше и лучше, и даже было видно их. "Ещё немного..." — приговаривал Вальтер и ждал, когда они подойдут ближе. "Огонь!" — прокричал парень, когда глаза существ уткнулись в стволы винтовок. Пламя от вспышек освещало помещение внизу, и было видно, что там монстров семь. После первого выстрела раненые монстры издали страшнейшие визги, и кто упал, кто начал метаться по комнате. Стрельба велась ещё двадцать секунд и прекратилась тогда, когда попадать в упырей стало невозможно.

"Сбросить сервант!" — скомандовал Вальтер, и все, кроме него, бросились к нему. Зигфрид навалился первый, и от его удара дверь, которая была заблокирована, прогнулась, а после того, как в сервант влетел Ян, он выбил дверь, и мебель полетела вниз, сбив нескольких монстров и придавив собой. Они побежали вниз, и Рудольф, который был последним, глянул на Вальтера, бросил ему один магазин и сказал: "Удачи", бросившись следом за остальными. От появившейся дыры сверху и выбитой двери свет в комнату ниже начал поступать, и от этого огонь стал более прицельным. Существа, которые были там, были ростом с человека и меньше. Попаданий из винтовки хватало, чтобы повредить их, а при попадании в глаза - ослепить их. Нечеловеческие вопли издавались из этого здания, и, возможно, сюда уже бежит толпа этих чудовищ, но огонь шёл. Вальтеру пришлось заглянуть в эту дыру, дабы можно было вести огонь. Выглянул - существо с очень длинными конечностями схватило его за волосы, которые торчали из шлема, одной рукой, а второй - за винтовку и потащило вниз. Он упал лицом на пол, сильно повредив голову. Монстр, сбросив его, хотел откусить ему голову, но огонь из пяти винтовок сзади повалил его прямо на Вальтера, а едкая чёрная плоть попала ему на лицо. В том, что на него упала туша биомассы, не было ничего приятного, но она же и спасла его от атаки другого монстра, который вместо того, чтобы вспороть живот Вальтера, рубил своими когтями обессиленное существо. Держа винтовку, Вальтер отползал назад под крики своих напарников, которые очень хотели ему помочь, но не могли, так как было живо ещё несколько монстров. Когти упыря разорвали на части упавшего на него монстра и полоснули несколько раз его самого от шеи до самого конца живота, оставив неглубокие раны. Давление на Вальтера оказалось меньше, и он смог двигать руками и, схватив винтовку покрепче, ударил ею монстра, а после его успели застрелить, и выстрел Зигфрида ранил Вальтера в руку. Истекая кровью и с нарастающими ожогами по лицу от плоти, которая ещё была на его лице, он отполз к стене, и сознание начало стремительно покидать его. Он бы продержался ещё дольше, но после очередного выстрела по монстру его раздуло как воздушный шарик, и его взрыв полностью лишил Вальтера сознания.

Глава 4. На утёсе

Острая боль в области левого глаза пронзила Вальтера, и он очнулся на том же месте, где потерял сознание несколько минут назад... Или часов? До потери сознания помещение освещалось едва, а сейчас оно было хорошо освещено из-за пробитой в стене дыры — по всей видимости, от мощного удара или взрыва. Всё тело болело, а руки были бледными. Как оказалось потом, он весь побледнел от потери большого количества крови и в сочетании со своими белыми волосами выглядел как отшельник из Скандинавии. Найдя в себе силы, Вальтер смог подняться, шатаясь так, будто он не потерял несколько литров крови, а ограбил бар. Осмотреть помещение удалось парню не сразу: ещё несколько минут он боролся с размытой картиной в глазах. Один глаз был повреждён настолько, что перестал полностью видеть, а из раны на животе, которую оставил ранее монстр, торчали куски плоти, кишки чуть ли не вываливались. "Недолго мне осталось", - подумал он и прошёл в сторону лестницы, на которой лежали обломки серванта.

По комнате будто бы прошёлся ураган: трупы монстров, чёрная плоть, которая по неизвестным Вальтеру причинам не разрасталась, а находилась на одном месте и бурлила так, как кипит чайник. Присмотревшись, он ужаснулся: плоть порождала на себе новые зубы и глаза, которые смотрели прямо на него. Картина была просто ужасной, но не опасной... Пока.

Даже не это пугало его больше всего. Причиной потери сознания Вальтера стал взрыв монстра, который добил других чудовищ, и самое странное — не было ни останков, ни следов его напарников, хотя от такого взрыва должно было остаться хотя бы пару капель крови. С его ранами он не смог бы пройти даже несколько метров, но здесь он преодолел это расстояние и переступил через обломки серванта, начав подъём по лестнице. Даже здесь странности не заканчивались. На ступеньках были разбросаны книги, которых ранее тут не было, и каждое их название было так или иначе связано с миром во времена первого, второго удара и Гиммлера. Но самая "необычная" книга называлась так: "От церковного пса с Килена до бога". Каждая из них, вероятно, содержала в себе секретные и мрачные тайны, но их содержание Вальтера сейчас не интересовало — он хотел добраться до второго этажа. Ему казалось, что там сидят раненные приятели или хотя бы гражданские, но правда оказалась настолько ужасной, что многие бы застрелились, желая забыть эту картину. В другом конце помещения, у которого была сорвана крыша, вместо сидевших там гражданских было кровавое месиво. Не было ни одного человеческого образа — только плоть, куски жира и разорванные органы, плавающие в крови и муке от раздробленных костей. Перед ними, ближе к самому Вальтеру, лежали останки его напарников. Яну полностью снесло челюсть и сняло скальп, а всё тело было усеяно отверстиями от пулевых ранений. От Зигфрида, Софии и Рудольфа остались только обугленные скелеты, а понял, кто из них есть кто, он по не сожжённому полностью волосам. Ещё страшнее было от осознания того, что София очнулась и сгорела заживо, испытав жуткую боль. Лучше всех выглядел Кольт. Вместо жутких травм у него были только спалены волосы, брови и ресницы, а также виднелось несколько ожогов. Такие раны просто несовместимы с жизнью, но, когда Вальтер набрал воздух, чтобы закричать, Кольт посмотрел на него взглядом, наполненным отчаянием.

Вальтер открыл глаза. Его голова лежала на чём-то твёрдом, а взор был направлен в потолок из покрытого мхом и плесенью камня. Где-то в комнате раздавался едва различимый звук капающей из трубы воды, а в нос ударил запах сырости. Пол-лица

будто бы онемело, и ощущалась странная слабость, но в остальном его состояние было нормальным. Он мог бы встать на ноги, но сильная усталость не дала этого сделать. Вальтер осмотрел помещение, в котором находился, — это был штрафной изолятор или СИЗО, так как помещение для тюремной камеры было слишком маленьким, и вместо привычных для

вегиммских тюрем огромных стальных дверей здесь были решётки. Ему удалось осмотреть только то, что находилось в поле зрения правого глаза: левый глаз ничего не видел, да и был ли он вообще? Прележав ещё несколько минут и бегая правым глазом по комнате, он приподнялся. Не успел он ничего осмотреть, как знакомый женский голос, раздавшийся с левой части помещения, спросил его: "Ты в порядке?". Не поворачивая головы в сторону звука и даже не спросив, кто это, он ответил: "Не очень", поправляя по привычке постоянно съезжающий на лицо шлем, которого на самом деле не было.

Кто задал ему этот вопрос, его пока не волновало — его взгляд привлекло собственное тело и место, на котором он всё это время лежал. Его торс был без одежды, весь перебинтованный жёлтыми бинтами с редкими, едва заметными красными пятнами, а на левую руку был наложен гипс. Его спальным местом служила большая, приколоченная к стене доска с наброшенной простыней и небольшой подушкой, которую достали, по всей видимости, из забытого всеми подвального склада. Простыня была также местами пропитана кровью и потом, а возле спального места лежали использованные бинты, вата и ведро с остатками засохшего гипса на дне. "Я здесь как минимум два часа", — сделал он вывод, глядя на полностью высохший гипс. "Ты здесь почти сутки", — вновь раздался тот самый голос. Вальтер только сейчас понял, что он здесь не один. Первый вопрос про его состояние он не принял во внимание, будто разговаривал сам с собой, но сейчас он точно осознал, что здесь не один.

Всё это время с ним разговаривала София. Живая. Это был точно не сон. Вместо обугленного трупа здесь была действительно живая София — всё та же девушка с белыми волосами, ярко выраженной венгерской (а венгры, в свою очередь, являются полуславянским народом из-за переселения славян во времена эпохи варлордов и после первой Европейской войны) внешностью и "лисьим" взглядом. Он бы поверил больше в то, что выжила Рим, но не она. Её жизни прямо сейчас ничего не угрожало, но по её внешнему виду было видно, насколько тяжело ей далось это испытание на выживание. Ноги были полностью перебинтованы, а сквозь тонкую ткань на теле виднелся перебинтованный торс. Они обучались в одном отряде с самого начала, но он никогда не всматривался в неё, и только сейчас смог впервые разглядеть. Внешне она даже напоминала призрака. На её спальном месте не было использованных бинтов — только одиночные капли крови и четыре, а то и больше, пустые тарелки из-под еды. Их, может, было и больше, но его сил не хватало, чтобы сфокусироваться на них.

- Как ты вообще выжила?

- Я без понятия. Наверное, я потеряла мало крови.

- Даже если ты потеряла мало крови, от полученных ран ты должна была умереть, тебе же раздавило органы.

- Возможно, я бы умерла ещё тогда, но мне вовремя оказали помощь.

София отвечала холодно, без эмоций — впрочем, как и всегда. Но она знала, что именно Вальтер не дал ей умереть, и хотела как-то отблагодарить его и остальных, но не могла заставить себя сказать эти самые слова поддержки.

- Спасибо, — сказала София вместо большой и эмоциональной речи, и было это произнесено так, будто она выдавила из себя слова через силу. Вальтер не сразу понял, о чём она, но потом догадался.

- Это наш долг. Не было бы меня там, тебе помогли бы другие.

- Да не прибедайся ты, скорлупец! — послышался мужской голос за соседней стенкой.

Вальтер ещё не полностью пробудился, и ему сначала показалось, что это сказала София, а потом — что это тот неизвестный ему полицейский из отряда Кольта и Яна, лежавший в этой же камере. Но на самом деле звук издал кто-то за стеной, в соседней камере. Голос был очень знакомым, и, немного подумав, Вальтер понял, что это был Рудольф, потому что говоривший назвал его "скорлупком". Его в шутку так называли только он и Дайон, но Дайон был мёртв, а значит, это был Рудольф. Вальтер обрадовался осознанию того, что хотя бы некоторые, а

главное — его лучший друг, выжили. Они начали перекидываться шутками, которые понимали только они, а потом Вальтер обратил внимание на Софию, на лице которой явно читалась обида из-за того, что он так просто ушёл от диалога с ней, хотя ей очень хотелось поговорить. Быстро прекратив обмениваться шутками, он вернулся к разговору с Софией, который ощущался как удары ножа в грудь при воспоминании обо всех тех, кто погиб тогда.

- Ну, может, и не потому, что это наш долг, я так поступил. Если бы я бросил тебя тогда, то, возможно, не был бы сейчас как мумия, и мы спасли бы больше жизней.

- Почему же тогда не бросил меня, Вальтер?

- Я... я не знаю.

Ответ лежал на поверхности — милосердие Вальтера. Он боялся говорить об этом, считая, что навешивать на себя такие громкие слова неправильно.

- Понятно.

София, которая смотрела в сторону Вальтера, отвернулась и задела ногой пустую миску. Сделав такое выражение лица, будто её всё это уже достало, она положила посуду под кровать, и за всем этим процессом наблюдал Вальтер.

- Ты даже в этой яме нашла добавку?

София, нервно усмехнувшись, ответила:

- А? Ага, ха. С концлагеря привычка — брать больше, если есть возможность.

Вальтер ожидал, что она сейчас начнёт оправдываться, почему ест больше положенного. Но её нельзя было назвать девушкой даже крупного телосложения — она, скорее, среднего. В училище София ни с кем не общалась, но, когда наступало время трапезы, она не знала меры и ела как в последний раз. Кто-то считал её просто обжорой, а кто-то думал, что, судя по её отличным физическим показателям, она потребляла много еды, чтобы всегда была энергия. Но правда оказалась другой.

- В концлагере? Ты сейчас серьёзно?

- Ага.

Во времена крюгеровских восстаний восставшие часто использовали тактику концентрационных лагерей для всех "иных", и этой "иной" как раз была София и её семья, отец которой служил в вегиммском войске.

- Тогда, ещё при Крюгере, восставшие строили концлагеря, в которых содержались военнопленные, вот моя семья там и оказалась. Голодом морили нас очень часто. Скорее всего, от него бы и погибли, если бы лагерь не разгромила армия Крюгера.

Это была лишь верхушка айсберга, которую рассказала София. На самом деле там было ещё куда страшнее, и "на своей шкуре" она лично пережила пытки.

- И почему ты об этом никому не рассказывала? Если бы мы знали, то помогли бы тебе как-то... Герда уж точно.

От переизбытка эмоций Вальтер встал с кровати, оперевшись при этом на руку с гипсом.

- Так меня никто не спрашивал, да и со мной просто никто не общался.

- ...Прости.

Вальтер почувствовал себя виноватым, ему даже стало стыдно за себя и своих напарников. Они проучились несколько лет, а нормальный диалог вместо обычных вопросов по типу, в каком кабинете пара и надо ли переодеваться на физкультуру, получился только сейчас. Человек страдал, пока остальные занимались своими делами.

- Да ладно тебе, главное, что хотя бы сейчас спросил.

После недолгого молчания Вальтер задал ещё один очень неудобный вопрос:

- Почему ты пошла в военную полицию? Тем более нам ещё в первые дни после начала обучения сказали, что мы зачислены в группы карателей.

- Конечно, жалела об этом, была на грани желания покинуть военную полицию и ещё много чего планировала сделать, но отсидела от звонка до звонка. А пошла я сюда... — София

посмотрела на Вальтера ещё более пустым взглядом. — Меня никто не спрашивал. Просто родители заплатили кучу денег и закинули сюда, сказав, что я должна отомстить всем тем, кто унижал нас в концлагере.

На фоне достаточно личной и спокойной беседы эти слова прозвучали очень резко и громко, хотя она произнесла это даже тише обычного. Следом за этим она задала вопрос ему, не дожидаясь реакции и чувствуя, что наговорила лишнего:

- А ты почему пошёл сюда? Всё ещё желаешь остаться тут, а?

- Я... Мы с Рудольфом пошли сюда, желая вершить правосудие и помогать обычному населению. Но он здесь чисто из-за безопасности, которая действительно была ранее, а я просто хочу помогать людям. — Помолчав и обдумывая, он ответил на второй вопрос: — Если нас зачислили в Шертхальм и мы выбрались оттуда живыми, то это уже просто призвание. Мы... уничтожим врагов Вегиммии.

- Эй, я всё слышу! И что значит "мы"? Я свалю отсюда сразу же, как только мы выберемся, — слышался голос Рудольфа, который слышал весь их диалог и не смог совладать со своим желанием прояснить текущую позицию.

- Ой, ты вообще молчи! — ударив по стенке незагипсованной рукой, сказал Вальтер, и молчание вновь повисло в воздухе, а София смотрела на него, не понимая, как реагировать.

- Хах, какая-то детская мечта, не в обиду... И последнее прозвучало как-то слишком пафосно.

- Я понимаю, но врать не собираюсь.

София моментально изменилась в лице. Хотя его цели и были детскими, но стоило отдать должное — он не поменял мнения за несколько лет и, даже едва выбравшись из ада, не потерял надежду и хотел продолжать сражаться.

Со стороны коридора, вдоль которого по одной стене располагались камеры, слышался стук сапог и отчётливый звук чего-то железного по камню.

- Так, сопляки, свои очень милые детские разговоры оставьте на потом, а сейчас ждите, когда за вами придут. А ты, Вальтер...

Это был Ян. Он стоял по ту сторону решётки с очередной миской каши на воде и какими-то подозрительными крупами.

- О, уже ходить можешь. Я думал, ты ещё несколько часов будешь лежать и срать под себя, — удивился Ян, глядя на уверенную стойку Вальтера.

- Офицер Ян, вы живы!

- Ну а как же...

Ожидания Вальтера оказались намного лучше того, к чему он готовился. Неожиданно его заинтересовала камера, в которой он находился, и парень принялся её осматривать, подходя к решётке и ловя на себе взгляд Яна.

- А где мы вообще находимся и что произошло?

- А тебе это расскажут потом другие.

- Почему вы не можете рассказать сейчас, офицер Ян?

- А потому что не хочу.

Ян засмеялся и протянул ему сквозь решётку миску с подозрительной кашей, в которую была воткнута ложка. Она стояла полностью горизонтально, даже не думая нагнуться ни на градус. Дождавшись, когда Вальтер возьмёт этот "шедевр" кулинарии, он пошёл от их клетки в сторону. Вальтер был бессилен в этой ситуации и просто смотрел ему вслед, а потом на кашу и на Софию.

Направив руку с миской в сторону девушки, он спросил:

- Будешь?

Она сначала, будто чего-то стесняясь, отрицательно покачала головой, но, подумав, всё же взяла еду.

Возвращаясь на своё спальное место, он услышал ещё несколько шагов со стороны коридора, а затем женский голос:

- Ну почему не можем рассказать? Он же, считай, спас вас.

Две женские фигуры подошли к решётке, и одна из них схватила Яна за шиворот и потянула обратно к камере. Свет от тусклой лампы, в которой использовались свечи, только мешал рассмотреть пришедших. Но стоило им подойти ближе, как Вальтер тут же понял: это были Рим и Чарли! Однако руки Рим были усеяны шрамами, а на одном глазу была чёрная повязка с жёлтой немецкой звездой.

- Ну здравствуй, Вальтер. Думаю, у тебя есть много вопросов, о которых София не успела тебе рассказать... — прильнув к решётке, сказала Рим, а Чарли, стоявшая сзади, молча улыбнулась и помахала ему рукой.

- Рим? Но как ты выжила?

- Очень хороший вопрос, на который я с радостью отвечу, не то что некоторые, — с явным намёком на Яна говорила Рим. — Когда произошёл тот взрыв, мне не повезло попасть под обвал здания, но на меня упали нетяжёлые обломки и накрыло сверху крышей. Ну и по мелочи — осколки полетели в глаз, так что я могу теперь с уверенностью отвечать, что выбрала вилку.

Перед Вальтером стояла Рим, но он чувствовал, что с ней что-то не так. Будто события в Данциге повлияли на неё настолько сильно, что в её голове что-то щёлкнуло.

- Не хочу тебя перебивать, но, думаю, дальше будет легче рассказать всё по порядку и ответить на все интересующие вопросы, чем говорить всё то же самое в качестве ответов на твои реплики. Договорились?

- Договорились...

промямлил Вальтер, переваривая всё только что сказанное. "А может, Герда и Дайон живы?..."

- Ну, значит, слушай. Помощь в итоге пришла, но только спустя четыре часа от начала операции. Она задержалась, так как на дорогах были очень большие заторы, и пришлось скакать по бездорожью. Прибыв, они хотели свернуть операцию и уйти, увидев, что их никто не встречает и город очень сильно разрушен, но Чарли пережила взрыв и встретила их, уговорив пробежаться по улицам. К этому времени я уже успела очнуться и выбраться из-под завала, и так повезло, что им удалось встретить меня.

- Лучше бы не встретили, — тихо сказал Ян, надеясь, что это никто не услышит, но от потери глаза у Рим будто бы усилился слух, и она треснула его по затылку. Сама же моментально получила ногой по ноге, но отвечать на это не стала, лишь фыркнув на него. — Ну и в общем, побежали мы дальше. Бежим, а кругом лишь одни развалины и трупы лошадей. Мы хотели уже было уходить, но увидели сигнальную ракетницу — это стреляла София.

- София?

- Ага, успела проснуться. Если бы не проснулась, то мы бы ушли из города.

Вальтер повернулся к Софии, а та даже не слушала Рим и не смотрела на него — она была занята поглощением каши. Поняв, что никакой реакции от неё не будет, он вновь перевёл взгляд на Рим.

- Мы тогда смогли привести в чувство Яна и Зигфрида, они нам всё, что с вами произошло, и объяснили. Мы погрузили гражданских сразу же, и они успешно эвакуировались, а потом... — вместо энтузиазма Рим испытала страх, вспоминая события, которые произошли потом. За неё продолжила Шарлотта: — А потом такое началось. Мы уходили из города, как эти монстры повылазили из всех щелей. Пехота пыталась давить их, но даже огнемёты не особо помогали, мы едва вырвались оттуда, потеряв половину от всей подмоги... Но ты, Вальтер, не грусти из-за этого, хорошо? Ты правильно поступил, выручив Софию, и, придумав план по зачистке этажа, ты молодец... Да. Твои знания ещё Рим понадобятся.

- Да, понадобятся... — сказала Рим. — После суда, если нас не казнят, твои знания очень помогут нам.

- В смысле после суда? — удивился и даже испугался Вальтер.

- Ах, забыла рассказать... Мы здесь, в СИЗО, сидим, потому что над нами суд будет. Общее военное руководство и правительство считают, что тот взрыв и смерть солдат — полностью наша вина. Вон там и будет решаться наша судьба, Вальтер...

- И как мы будем защищать себя? И почему вы не в камере? — он уже принял факт того, что суда не избежать, и начал задавать встречные вопросы по грядущему процессу.

- Честно — без понятия. Ни один адвокат не хочет связываться с нами, только Шарлотта и гиммлеровские проповедники на нашей стороне. Я надеюсь, что нам удастся их убедить, что это произошло из-за скудных знаний о противнике, и повысит эти знания поможешь нам ты. А не в камерах мы потому, что Чарли убедила правительство в том, что так почему-то необходимо. Я в подробности не вдавалась, но без неё мы бы сейчас также сидели за решёткой.

- Я?

- Ага. Рудольф и Зигфрид нам многое рассказали, да и, используя знания Яна и Кольта, думаю, что-то и выйдет. Сам Кольт сейчас спит, если что. Кстати, Вальтер... — Рим нагнулась, заложив руки за спину и, прищурившись, осмотрела лицо Вальтера, а затем, поморщившись, сказала: — Тебе не идёт лицевой протез, честно. Ты хотя бы его разрисуй, чтобы не так сильно портило твой внешний вид.

Почему он не видит левым глазом, парень начал понимать только сейчас. Всё это время обстановка была достаточно комфортной и даже дружелюбной, но стоило Рим сказать слова про лицевой протез, как у Вальтера тут же начала нарастать паника.

- В смысле "лицевой протез"?

- Ну а ты что, не заметил? Почти сутки прошли. Тебе протез лица вживили, пока ты в отключке был, ибо чёрная плоть плотно въелась в твоё лицо и пришлось тогда прямо на месте срезать тебе его часть. Эй, Ян, дай зеркало, я знаю, что оно у тебя есть.

Она повернулась к Яну и выставила руку, ожидая, когда он даст зеркало. Были бы они сейчас одни, и попроси она для себя, он бы ей ничего не дал, но сейчас пришлось.

Повернув стекло к лицу Вальтера, он ужаснулся. Вместо двух третей левой части лица был лицевой протез. Это был не высококачественный кожный имплант, отличия которого от реального лица были минимальными, а просто кусок какого-то лёгкого металла, крепившийся за счёт вживлённых под кожу нержавеющей креплений. Для него это была настоящая катастрофа, и такую панику он не испытал даже тогда, когда они были заперты в том доме.

Шарлотта, видя, как он впадает в панику, что-то прошептала Рим, и после Харнер сказала ему:

- Там, кстати, Герда и этот француз... Вроде бы Дайоном звать, живы и без серьёзных травм.

Ожидания Вальтера оказались правдивыми: Герда с Дайоном живы. Паника парня от осознания того, что теперь вместо части лица у него кусок уродливого металла, сменилась радостью. Все, кроме Хуберта, были живы. Вспомнив Хуберта, он в очередной раз впал в отчаяние, но мысли о живой Герде и Дайоне заглушили эмоциональную боль и пустоту. Прутья из стали не давали ему обнять Рим, хотя сделать это было большим желанием, сам не зная почему, ведь она просто пересказала всё то, что произошло сутки назад.

- У тебя остались вопросы, Вальтер?

- Нет... Спасибо.

- Да пожалуйста.

Харнер развернулась и, подозревая рукой Чарли, ушла прочь по коридору. Уже выйдя из поля зрения, она обратилась к Яну: "Пошли, надо Кольта разбудить", и тут же получила ответ: "Иди, я хочу с ним поговорить".

Он подошёл ближе к решётке и ждал, когда Вальтер закончит ощупывать лицевой протез. По ощущениям это был покрашенный алюминий или другой металл, а сбоку от самого протеза под кожей прощупывались крепления. Как только он вспоминал о них, появлялось фантомное ощущение того, что они щекоют кожу изнутри. Был бы он сейчас один, возможно, расчесал бы себе щёку до крови, но Ян показательно покашлял, и Вальтер перевёл взгляд на него.

- И как ты себя чувствуешь?

- Нормально, офицер Ян. Могло быть и хуже.

- А как ты себя ощущаешь после выполнения твоего плана?

В его вопросе чувствовался явный подвох, но понять его было не дано.

- В каком смысле?

- Да в том, как ты это понимаешь. Не думал ли ты о том, что весь твой план был... того... бессмысленным?

- В смысле бессмысленным, офицер? Мы же...

Вальтер не успел договорить, как Ян схватил его за воротник через решётку и с силой притянул к прутьям. Парень ударился лицом прямо о железо, и раздался громкий звук удара по металлу. Но на самом деле Вальтер начал осознавать, что его план действительно мог быть бесполезен. Если помощь в итоге пришла, то они могли бы просто подождать, не рискуя своими и гражданскими жизнями. А может, его план всё же не был напрасным?

- Да потому что эта бесовщина была просто бесполезной! Помощь пришла, и София использовала сигнальный пистолет, услышав солдат. То же самое могли сделать и мы, не рискуя жизнями.

Свободной рукой Ян треснул Вальтера кулаком по затылку, а потом ей же схватил за волосы и с некоторым интервалом стал бить головой о решётку.

- Из-за твоей же глупости ты сам стал инвалидом, а другие получили такие травмы и шрамы, что кошки шипят при виде них!

Ещё один удар кулаком о решётку — и у него пошла кровь изо рта и носа, капая на каменный пол.

- Эй, придурок, ты что творишь?! — закричала Рим и быстрым шагом направилась к Яну.

- Он же не знал, что помощь придёт! — следом за Рим крикнула Чарли.

Увидев, что Рим хочет разнять их, Ян вытянул руку, не давая подойти к ним.

- Да что за тряска у вас-то началась? Всего лишь показываю этому щенку, что надо всегда представлять множество вариантов, а не следовать одному, как упёртый осёл. От начала операции прошло всего два с половиной часа. Если бы ждали до ночи — тогда другой разговор, а сейчас...

- Да ты хотя бы подумай, что в суде скажут нам, глядя на его разбитое лицо, больной ты идиот!

- Как же ты мне надоела, ни ума, ни логики. В суде никто не посмотрит, что он рыдает кровью, кому там надо заботиться о здоровье "диверсантов". Не были бы мы "напарниками", я бы давно разбил тебе лицо.

- Ну так как наша совместная работа мешает тебе это сделать, а?

- Просто потому, что ты женщина, и за драку на рабочем месте нас бы в штрафбат гнить закинули.

- Как грубить женщине — ты первый, но драться ты, видите ли, "джентльмен", хах. Ну и мы не на рабочем месте, так что тебе мешает "избить" меня прямо здесь и сейчас?

Рим, стоявшая ранее в закрытой стойке, начала готовиться к бою. Ноги поставила в более устойчивое положение и принялась потирать правый кулак. Похоже, она смогла так разозлить Яна, что тот повернулся к ней и готов был начать драку. В СИЗО было тихо, только кровавые всхлипы Вальтера нарушали тишину. Этого не было видно, но все, кто находился в камерах, уже давно стояли у решёток и пытались разглядеть, что происходит. София хотела помочь

Вальтеру, но оттащить его боялась и просто стояла рядом с испуганным взглядом, не понимая, что делать. Если бы она оттащила его, Ян бы ничего не сделал ей — у него нет ключей.

Драка вот-вот началась бы, но Вальтер размахнулся загипсованной рукой и хотел ударить Яна в бок, но от ударов головой о железо у него началось головокружение, и

он промахнулся, разбив гипс о решётку. А когда размахнулся повторно, Ян успел перехватить его сломанную руку и начал бить её о железо.

- Тебе дело говорят, псина, а ты ещё и пререкаешься!

- Если бы мы-ыы... не зачистили этаж, то...

Вальтер не успевал договаривать, как Ян начинал его лупить, да и когда ты задыхаешься собственной кровью, говорить тяжело.

- Что-что говоришь? Повтори, не слышно! Тебя с членом во рту плохо слышно, сучёнок. Тебя и тебе подобных только так и приучать к дисциплине.

- То...

Вальтер сплюнул на пол несколько капель крови и всё-таки успел сказать всё то, что хотел:

- Зачищать пришлось бы солдатам... Это привлекло бы внимание и замедлило бы эвакуацию. Мы бы вряд ли выбрались.

- Что говоришь? Замедлилась бы эвакуация, мы бы не выбрались? Забавно.

- Вообще-то, он дело говорит, — вмешалась Рим. — Тогда мы быстро собрали всех и убежали, но даже тогда половину личного состава вырезала плоть. А если бы нам пришлось ещё и зачищать этаж, то мы бы точно не выжили и не спасли гражданских.

- Опять ты вставляешь свои пять копеек, Рим! Помолчи, а? Может, ты и говоришь дело, но это никак не проверить, поэтому ты всё такой же не умеющий думать пёс.

Следующий удар снова пришёлся на руку. Он был достаточно сильным, Вальтер вскрикнул от боли, и на руке моментально появился синяк.

- Стой, у него же рука сломана! — запаниковала Чарли и попыталась оттащить озверевшего Яна.

- Эй, придурковатый, она же реально сломана! — добавила Рим.

- Да какая сломана? Была бы сломана, он бы ей двигать не мог, а сейчас ударить попытался меня... Это монстр, а не человек.

Он бы и продолжал его бить, не реагируя на слабые попытки Чарли оттянуть его, но Вальтера уже оттащила София и грохнулась вместе с ним на пол. Ян фыркнул и, уходя, бросил им вслед:

- Ну и помрите тут, щенки.

Вальтер пытался отдышаться, а София, используя оторванный кусок от своей штанины, пыталась остановить его кровотечение из носа. Рим и Шарлотта снова подошли к камере. Чарли поинтересовалась его состоянием, а Рим внимательно смотрела на его, как казалось ранее, сломанную руку. "Странно... Если мы не умрём, то обязательно надо проверить", — сказала Харнер и пошла будить Кольта, оставив его и Софию.

Сначала были слышны шаги, затем — голоса Яна, Рим и Чарли, а потом и Кольта. За ними последовала полная тишина, которую нарушали лишь всхлипы Вальтера, пока София вытирала ему кровь, как маленькому ребёнку. Он почти никогда не держал обиду на людей и Яна всегда уважал, но сейчас тот упал в его глазах. Вальтер затаил обиду, но не до такой степени, чтобы желать смерти, — считал, что мир сам накажет его. Вновь его взгляды столкнулись с противоречиями: а можно ли Яна назвать "плохим" из-за того, что он считал, будто операцию надо было выполнять иначе?

В СИЗО не было ни часов, ни окон с выходом наружу, и все здесь давно потеряли ощущение времени, а Вальтер, которого избили, и подавно. Но сидеть здесь вечно они не могли, и через два часа, которые показались вечностью, со скрипом и громким

стуком об стену железная входная дверь открылась, и кто-то сказал: "Собираемся, суд начался". Поочерёдно камеры открывались, а солдат заковывали в наручники (командующих, кроме Чарли, тоже). Очередь дошла до крайней камере Вальтера, Софии и ещё одного полицейского. Военные удивились, увидев разбитое лицо Вальтера, но ничего не сказали и также заковали их в наручники. Когда все были готовы, их вывели на улицу — было утро, но ещё не рассвет, может, часов 10-11, и их уже ждали повозки с лошадьми, которые помчались куда-то вглубь города. Вальтер за всё это время так и не спросил, где они находятся, но спрашивать сейчас побоялся и начал осматривать здания и улицы.

По всей видимости, они находились в Новом Смертоберге — столице Вегиммии, которая после Европейской войны, когда Гюнтер отравил воздух, оставалась необитаемой на протяжении нескольких сотен лет, и в честь этого события был установлен памятник, мимо которого они проезжали. Сам город является бывшим Кёнигсбергом, но был переименован при Гиммлере. Он сидел в повозке с Софией, Рудольфом и Зигфридом, которые также молчали весь путь. В других повозках Вальтер смог разглядеть Герду и Дайона, и тогда он наконец-то вспомнил о Барнсе и задался вопросом: "А что с ним?". И тут же сам получил ответ на него — мёртв.

Лошади прибыли к огромному зданию суда, выполненному в немецком стиле и имеющему свой двор и тропинку, вдоль которой были посажены цветы и стояли памятники деятелям гитлеризма-гюнтеризма. Здание внутри было не менее большим, но это был не сам зал суда, а только просторный коридор, по бокам которого располагались бухгалтерии и другие помещения, а сам зал суда находился за дверью в конце холла. Их уже ждали. Зал был заполнен людьми: члены Церкви Новобожия Гитлера, спецслужбы, общее военное руководство и много других лиц, а также судья собственной персоной. Пока членов Шертхальма вели к своим местам, все молчали, но следили за каждым их шагом, едва сдерживаясь, чтобы не осыпать их оскорблениями за город и погибших в нём солдат, которых можно было спасти.

Кольт, Ян и Рим, зайдя в зал, испугались одного: где командование Шертхальма или хотя бы его остальные члены? В базе Шертхальма находилось много солдат и большое руководство — где же оно сейчас? Тогда они поняли, что весь суд придётся вытягивать им с проповедниками в одиночку. Заняв свои места, судья начал:

"Приветствую всех присутствующих. Несколько суток назад Шертхальм — секретный штаб, действующий вольно, без привязки к общему военному руководству, занимающийся изучением последствий первого, второго и третьего ударов, а также подготовкой командующих, — провёл операцию по ликвидации трагедии в Данциге. Операция провалилась, и очень многое указывает на то, что большие потери среди военных и гражданских — это результат диверсии Шертхальма. На суде Вегиммия заслушает общее военное руководство, которое выделяло ресурсы на эту операцию, и Шертхальм, сторону которого возглавят Пилсудский, Дэвис и Харнер, поскольку руководство организации не выходит на связь уже несколько суток и есть некоторые данные, указывающие на его полное уничтожение... Прямо сейчас мы слушаем общее военное руководство. Прошу".

Один из членов ОВР, тот же самый, что и несколько дней назад в штабе скидывал на Шертхальм ответственность, встал и начал приводить свои аргументы:

"На операцию по спасению Данцига нами было выделено 100 военных полицейских, 80 из которых дезертировали, и Дэвис простил им это, а 20, из которых выжило только 7, неофициально перешли на сторону Шертхальма, 40 огнестрельных солдат, которые все погибли, и 360 пехотинцев, половина которых также погибли. Помимо больших потерь

людской силы, это большой удар по моральному духу Вегиммии и главное — потеря крупного города и начало вторжения врага на нашу землю. До их прибытия своими силами удалось покинуть город только двум тысячам человек, а эвакуировано ими менее пятнадцати. А также на их вине смерть Барнса Альфреда, который являлся членом ОВР, но добровольно руководил операцией. В представленных вам документах есть доказательства причастности

Шертхальма к намеренному саботажу операции. "Взрыв", который уничтожил немалую часть города и убил Барнса Альфреда, как нам сообщил сам Шертхальм, произошёл после начала артобстрела, но орудия и солдаты прибыли только спустя четыре часа. У нас есть причины полагать, что они взорвали находившийся в городе огромный склад дышащей плоти, которую не успели утилизировать после принятия новых законов. Мы требуем, чтобы Шертхальм полностью распустили, имущество изъяли в нашу пользу, а тех, кто принимал участие в операции, — казнили".

Он закончил и, не садясь на место, ждал ответа судьи. "Понятно", — сказал тот и посмотрел в сторону Кольта, Яна и Рим, а затем объявил, что они могут начать защищать себя.

Кольт выступил первым. После того как представитель ОВР закончил свою речь, другие члены ОВР и наблюдатели кричали Шертхальму оскорбления по типу: варвары, людоеды, диверсанты и другие.

"Мы не снимаем с себя полностью ответственность за гибель большого числа солдат и гражданских, но эти потери произошли в ходе операции, для которой у нас не было ни ресурсов, ни знаний. Нам на месте пришлось придумывать план действий, имея в наличии только двадцать неопытных военных полицейских. Не начни мы операцию, в противном случае мы бы не спасли и одного человека, так как помощь прибыла ещё очень нескоро. Церковь Гиммлера должна была предоставить вам доказательства нашей непричастности к взрыву. К тому же нам пришлось действовать без руководства — все обязанности Шертхальма пали на нас, точнее, на нас их скинули во время собрания в штабе, хотя ОВР, МЧС и министерство здравоохранения знали об отсутствии руководства и солдат".

Следом за Кольтом представитель ОВР попытался оспорить его слова:

- Пускай вы и действовали без руководства, вы, Дэвис и Пилсудский, известны своими военными заслугами, а также в ходе операции вы смогли узнать о враге достаточно информации, дабы не допустить гибели большого числа солдат.

Настала очередь Рим. Ещё в СИЗО они обсуждали свой план действий на суде, и когда настанет очередь объяснить пользу, которую принесёт Шертхальм, это расскажет она. Кольт сел, и встала Рим.

"Шертхальм долгие годы играл роль главного щита для Вегиммии от чёрной плоти. Ян Пилсудский регулярно отправлялся для помощи коалиции сдерживать чёрную орду, а другие члены Шертхальма её изучали, и именно он вообще узнал о приближении плоти к Данцигу. Распустив и казнив организацию, Вегиммия ослабнет на фоне надвигающегося врага, который уже захватил город и продвигается по нашей стране. Сможет ли армия остановить её, полностью лишившись знаний? Не думаю. Также в нашу защиту хочу добавить, что в ходе операции у нас появилось очень большое количество информации, которую следует изучить, и она способствует нашей контратаке... В качестве доказательства я хочу вам показать это..."

Рим специально для этого случая взяла с собой сумку, в которой находилась колба с живой чёрной плотью. Достав её, весь зал ахнул, а Рим продолжила:

"Это — чёрная плоть. Мы смогли собрать образцы в Данциге, и, по имеющимся у нас данным, плоть, если находится далеко от центра коллективного разума и основной биомассы, быстро погибает, но эта жива уже несколько дней, и у нас есть причины

полагать, что это так называемая автономия чёрной плоти, о которой узнала церковь Гиммлера".

После слов Рим Кольт вновь встал и озвучил то, чего хочет Шертхальм:

"Шертхальм даже без руководства представляет большую силу для Вегиммии. Мы просим вас не распускать организацию, а позволить нам изучить чёрную плоть, при этом потери личного состава, который числился за военным руководством, возмещаются за счёт церкви Гиммлера. А все те солдаты, которые перешли на нашу сторону, продолжают числиться в составе Шертхальма".

Все закончили свои речи, и судья, не удаляясь, совместно с комиссией прямо на месте что-то обсуждал. Через несколько минут судья вынес итоговое решение:

"По имеющимся у нас данным, Шертхальм действительно невиновен, и все потери — результат обстоятельств. Но он обязуется выплатить двойные репарации ОВР, которое, в свою очередь, мобилизует армию и начинает сдерживать наступающего врага, а Шертхальм не может иметь более семидесяти человек личного состава. Все изученные данные по чёрной плоти должны будут передаваться правительству, а пока руководство Шертхальма не выйдет на связь, обязанности руководителя организации будут исполнять Кольт, Рим и Ян. Суд окончен".

Худшее позади! Шертхальму удалось защитить себя и хотя бы избежать смертной казни для всех его членов. Репарации полностью возместит за них Церковь Гиммлера, но теперь появились другие проблемы: где взять больше личного состава? Новое руководство понимает, что воевать им ещё придётся очень много, хотя на себя эту роль взяло ОВР.

Их всех отпустили, и на выходе Кольт предложил объявить сбор добровольцев. Яну показалась эта идея, на удивление, прекрасной, и он сразу сообщил, что призовет на службу в Шертхальм своих шестерых друзей, с которыми они были ещё в качестве обычных пехотинцев против чёрной орды несколько лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.